

ПОЪЗДКА НА ПЕЧОРУ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМЪТКИ

Н. Е. ЕРМИЛОВА.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Губернская Типографія.

1888.

Печатано съ разрѣшенія Г. Архангельскаго Вице-Губернатора, въ
Архангельской Губернской Типографіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Сѣверо-восточная часть Европейской Россіи, расположенная по теченію громадной рѣки Печоры, изливающей воды свои въ Ледовитый океанъ, носитъ теперь названіе Печорскаго края. Край этотъ уже въ XI столѣтіи населяли малоизвѣстные и оставившіе немного по себѣ историческихъ памятниковъ народы, вышедшіе изъ Азіи и извѣстные въ то время подъ названіемъ „Печоры“, „Югровъ“ и „Самоѣдовъ“. Въ лѣтописи преп. Нестора говорится объ этомъ такъ: „Сказа ми Гюряти Роговичь, Новгородецъ, глагола сице: яко посла отрокъ свой на Печору, людіе, яже суть дань дающе Новугороду, и пришедшу отроку моему къ нимъ и оттуду иде въ Югру. Югра же языкъ есть нѣмъ и съѣдятся съ Самоѣды на полночныхъ странахъ“. Въ 1499 году народы эти, отчасти платившіе, какъ видно изъ только-что приведенныхъ словъ лѣтописца Нестора, дань Новугороду, были покорены воеводами Курбскимъ и Ушатымъ, и вся страна эта подъ именемъ „Югорскаго царства“ присоединена къ Русскому Государству. Съ тѣхъ поръ въ тѣхъ русскихъ царей, начиная съ Великаго язя Іоанна III Калиты, между прочими титулами, значится и „Царь Югорскій“.

Прошло почти четыре столѣтія со времени присоединенія Югорскаго царства къ Россіи, теченіи которыхъ жизнь этого края, удаленнаго отъ центровъ цивилизаціи, весьма медленно подвигалась впередъ, и даже теперь стоитъ на весьма невысокомъ уровнѣ развитія. Въ

краѣ нѣтъ никакихъ удобныхъ путей сообщенія, кромѣ естественныхъ—рѣчныхъ, торговля развита весьма слабо, народное образованіе почти отсутствуетъ и вообще жители Печорскаго края, отрѣзаннаго не только отъ центральной Россіи, но даже и отъ своего губернскаго города, можно сказать, не живутъ, а прозябаютъ.

Объясненія причинъ застоя жизни Печорскаго края далеко искать не приходится: достаточно сказать, что главная часть Югорскаго царства, принадлежащая Архангельской губерніи соединена съ своими административными центрами (Архангельскомъ и Мезенью) почти лишь только въ зимнее время, по зимнему пути, когда сообщеніе совершается сравнительно регулярно и краткосрочно; лѣтомъ же путь между Мезенью и Усть-Цильмою, центральнымъ селеніемъ Печорскаго края, на протяженіи 738 верстъ, преодолевается съ такими трудностями и даже, можно сказать, муками, что дорогу эту должно считать закрытой для всякаго частнаго лица, желающаго попасть на Печору съ торгово-промышленными цѣлями. Даже почта отъ Мезени до Усть-Цильмы въ большинствѣ случаевъ лѣтомъ ходитъ не менѣе 14 дней. Наконецъ, необходимо принять во вниманіе, что весь этотъ обширный край во время весенней и осенней распутицъ вовсе отрѣзанъ отъ уѣзднаго города, а слѣдовательно и отъ всего міра; распутицы же эти продолжаются въ сложности не менѣе трехъ мѣсяцевъ въ году.

III

Очевидно такимъ образомъ, что отсутствіе въ Печорскомъ краѣ главнаго фактора для распространенія цивилизаціи—путей сообщенія—есть важнѣйшая причина полной неподвижности жизни этой страны, находящейся въ столь невыгодномъ административно-географическомъ положеніи. Между тѣмъ Печорскій край хранитъ въ себѣ массу естественныхъ богатствъ и ждетъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ рукъ для ихъ разработки. Еще при Іоаннѣ Грозномъ здѣсь добывались серебряныя и мѣдныя руды; существуютъ указанія на возможность находенія золотоносныхъ россыпей; болѣе 15 милліоновъ десятинъ еловаго, сосноваго и лиственничнаго лѣсовъ остаются по настоящее время почти безъ всякой утилизаціи и, можно сказать, гніютъ на корнѣ; нефтяныя, соляныя и сѣрные источники пропадаютъ безъ всякой разработки; минералогическія сокровища таятъ въ нѣдрахъ земли безъ всякой пользы для человѣка, такъ въ нихъ нуждающагося. Но кромѣ этихъ естественныхъ богатствъ край этотъ представляетъ обширный интересъ своей исторіей, населеніемъ, наконецъ, самою природою—фауной и флорой. Несомнѣнно существующіе остатки доисторическаго періода жизни первоначальныхъ обитателей края, мало извѣстные жители его, инородцы—зыряне и самоѣды, ихъ бытъ, языкъ, нравы, обычаи,—все это, взятое вмѣстѣ и порознь, представляетъ обширное поле для изученія и изслѣдованій, имѣющихъ существенный интересъ для

каждаго образованнаго человѣка. Если же къ этому присоединить обширно развитые, но мало изслѣдованные промыслы: звѣрей на морѣ (моржей, тюленей, бѣлухъ), рыболовство, лѣсную охоту на изобилующую въ громадномъ количествѣ дичь, преимущественно на рябчиковъ, куропатокъ и бѣлокъ, а также оленеводство, сосредоточенное въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ тундрахъ Печорскаго края, то мы получимъ при изученіи всего этого богатый матеріалъ для расширенія образовательнаго кругозора cadaго читателя, не говоря уже о той важности, какую изслѣдованія эти могутъ имѣть для науки и административнаго управленія краемъ.

Въ виду всего вышесказаннаго поѣздка, совершенная настоящимъ лѣтомъ высокоуважаемымъ Начальникомъ Архангельской губерніи Княземъ Николаемъ Дмитриевичемъ Голицынымъ, для обозрѣнія и ознакомленія съ этимъ далекимъ, пустыннымъ и суровымъ угломъ Россіи, представляетъ фактъ, имѣющій весьма крупное значеніе въ исторіи этого края, тѣмъ болѣе, что путешествіе Князя не имѣло характера только формальныхъ ревизій, а заключало въ себѣ стремленіе возможно точнаго ознакомленія на мѣстѣ какъ съ самимъ краемъ и его населеніемъ, такъ и съ его нуждами. Въ этихъ цѣляхъ Князь Н. Д. Голицынъ окружилъ себя на время поѣздки и соответствующими спутниками, специалистами той или другой отрасли вопросовъ, разрѣшеніе кото-

рыхъ составляло цѣль его путешествія (*). Для большаго выясненія всей важности этого путешествія нужно принять во вниманіе, что оно совершено было въ самый разгаръ ежегодной жизни края—лѣтнюю пору, когда всѣ рабочія силы крестьянъ, составляющихъ исключительное населеніе Печорскаго края, приложены къ дѣлу и когда самая природа является предъ наблюдателемъ во время ея полного производительнаго состоянія. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что Князь Н. Д. Голицынъ является первымъ изъ Архангельскихъ Губернаторовъ, посѣтившимъ Печору въ лѣтнее время, не смотря на всѣ трудности такого путешествія, какъ то читатели увидятъ въ дальнѣйшихъ главахъ моихъ замѣтокъ. Немногіе Губернаторы, рѣзизовавшіе Печорскій край, посѣщали его лишь зимою вслѣдствіе удобства зимнихъ путей сообщенія.

Находясь въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Г. Начальника губерніи во время поѣздки его на Печору, я, помимо специально возложеннаго на меня изученія скотоводства, оленеводства и вообще ветеринарно-санитарнаго положенія въ краѣ, старался по мѣрѣ возможности

(*) Г. Начальника губерніи сопровождали: правительственный членъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія П. Л. Левлевъ, Помощникъ Архангельскаго Губернскаго Врачебнаго Инспектора докторъ А. П. Затварницкій, Управляющій Государственными въ губерніи Имуществами С. П. Гоппенъ, Правитель Канцеляріи Губернатора А. Ф. Поповъ, Непремѣнный членъ губернскаго продовольственнаго Комитета А. Е. Таратинъ и авторъ настоящихъ замѣтокъ.

ознакомиться со всѣми особенностями края и велѣй путевыя замѣтки. Желая подѣлиться съ читателями какъ фактами, добытыми мною на мѣстѣ и касающимися положенія Печорскаго края, такъ и личными впечатлѣніями, приоб- рѣтенными мною во время этой поѣздки, а равно и тѣми выводами, къ которымъ я могъ прійти, я считаю долгомъ предупредить, что настоящими моими замѣтками я вовсе не претендую на нѣчто цѣльное, какъ, на примѣръ, на полное и подробное описаніе края въ какомъ бы то ни было отношеніи. Передавая вниманію читателей мои скромныя замѣтки, я лишь хочу пополнить весьма скудный матеріалъ литературы о Печорскомъ краѣ тѣми свѣдѣніями, которыя я могъ получить во время моего кратко- временнаго въ немъ пребыванія, сознавая, что чѣмъ больше появится хотя бы и краткихъ сообщеній объ этомъ мало извѣстномъ углѣ Россіи, тѣмъ больше облегчится даль- нѣйшее его изученіе. *Feci quod potui, faciunt meliora potentiores.*

I.

Маршрутъ поѣздки Г. Архангельскаго Губернатора на Печору.—Причины выбора такого направленія.—Отправленіе изъ Архангельска.—Легкое по С. Двинѣ пассажирное пароходство.—Дальнѣйшее наше слѣдованіе.—Пермь.—Солеваренный заводъ графа А. П. Шувалова въ Усольѣ.—Содовый заводъ И. И. Любимова.—Значеніе г. Чердыни для Печорскаго края.

Маршрутъ путешествія на Печору былъ избранъ Г. Начальникомъ губерніи, съ разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, слѣдующій: изъ Архангельска на Вологду и далѣе чрезъ губерніи Вологодскую, Ярославскую, Нижегородскую, Казанскую, по границѣ между Вятской и Уфимской, Пермскую на городъ Чердынъ, затѣмъ рѣками Колвой, Висеркѣй, Чусовскимъ озеромъ, рѣчками Березовкой, Вогулкой, сухопутнымъ Печорскимъ волокомъ и рѣкою Волосницею, впадающей въ Печору.

Кажущаяся съ перваго взгляда странность этого маршрута, заключающаяся въ томъ, что для того, чтобы попасть съ одного края Архангельской губерніи на другой ея край, избирается длинный путь по столькимъ другимъ губерніямъ, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что путь этотъ значительно легче, опредѣленнѣе и скорѣе, чѣмъ существующій, лѣтній путь между Архангельскомъ и Печорой, а съ другой стороны тѣмъ, что онъ даетъ возможность на дѣлѣ ознакомиться съ самымъ глав-

нымъ, можно сказать, жизненнымъ для Печорцевъ торговымъ путемъ, по которому они получаютъ всё необходимые, начиная съ хлѣба, продукты и товары отъ Чердынцевъ и по которому сбываютъ естественныя произведенія Печорскаго края. Наконецъ, прибывъ на Печору по этому пути, можно обозрѣть ее почти съ ея истоковъ и такимъ образомъ узнать Печорскій край по теченію рѣки съ самаго начала до конца, тогда какъ прямой путь изъ Архангельска къ селу Усть-Цильмѣ на Печорѣ приводитъ лишь къ серединѣ этой значительной рѣки. Ознакомившись съ этимъ путемъ, мы могли испытать на дѣлѣ и прямой путь на Архангельскъ, такъ какъ обратное путешествіе наше совершалось отъ села Усть-Цильмы уже по рѣкамъ Цыльмѣ, Чиркѣ, сухопутнымъ 15 верстнымъ Цылемскимъ волокомъ, рѣками Рочугой и Пёзой, впадающей въ рѣку Мезень, и затѣмъ Мезенскимъ трактомъ до Архангельска. Избраніе столь далекаго маршрута изъ Архангельска до Печоры и возвращеніе обратно по прямому пути отъ Печоры до Архангельска дали возможность узнать основательно эти два главнѣйшихъ и почти единственныхъ пути на Печору.

Г. Архангельскій Губернаторъ выѣхалъ со спутниками изъ Архангельска 24 Мая вверхъ по р. С. Двинѣ на легкомъ пароходѣ А. В. Булычева „Вычегда“. Какъ извѣстно, передвиженіе пассажировъ по С. Двинѣ, этой главной артеріи торговопромышленной дѣятельности съ-

вера, до нынѣшняго года совершалось исключительно на буксирныхъ пароходахъ со скоростью чуть-ли не 5—6 верстъ въ часъ, съ ежеминутными остановками то для направленія на путь истинныйъ буксируемыхъ баржъ, то для нагрузки запаса дровъ, пожираемыхъ топкою машины, то для приѣма пассажировъ среди дороги.... и такая тоску нагоняющая канитель продолжалась до двухъ недѣль, а не рѣдко и болѣе, тогда какъ и разстояніе между Архангельскомъ и Вологдою по рѣкамъ всего что-то около 1.200 верстъ. Но какъ всему подлунному бываетъ конецъ, такъ, кажется, наступилъ уже конецъ и этой томительной продолжительности пути между Архангельскомъ и Вологдою: въ нынѣшнюю навигацію одинъ изъ Архангельскихъ пароходовладѣльцевъ А. В. Булычевъ учредилъ легкое пароходство между этими городами съ намѣреніемъ обратить его даже въ срочное. Вслѣдствіе этого время пути отъ Архангельска до Вологды и обратно сократилось почти на двѣ трети; пароходъ отъ Архангельска пробѣгаетъ по полной водѣ до Вологды противъ теченія рѣкъ С. Двины, Сухоны и Вологды 5½ сутокъ, обратно-же въ Архангельскъ, уже по теченію тѣхъ же рѣкъ, всего 3 сутокъ. Такимъ образомъ, если только это нововведеніе привьется и пароходовладѣлецъ не потерпитъ убытка, вслѣдствіе малочисленности пассажировъ, пробѣжающихъ между этими городами,—прежнее двухнедѣльное томленіе путешественниковъ на буксирно-пассажирскихъ и

сѣверо-двинскихъ пароходахъ отойдетъ въ область преданій, чему, разумѣется, нельзя будетъ не порадоваться.

Удобство такого сокращеннаго по времени пути пришлось испытать и намъ: уже 29-го мая вечеромъ мы прибыли въ Вологду. Переночевавъ въ городѣ, который я успѣлъ осмотрѣть лишь мелькомъ, мимоѣздомъ, въ 8 часовъ утра слѣдующаго дня мы тронулись далѣе въ маленькихъ вагонахъ узкоколейной Ярославско-Вологодской желѣзной дороги; чрезъ 11 часовъ были въ Ярославлѣ и 1 іюня въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ произошло сердечное свиданіе между Княземъ Н. Д. Голицынымъ и бывшимъ Архангельскимъ, нынѣ Нижегородскимъ Губернаторомъ, Н. М. Барановымъ. Въ часъ ночи на 7-е іюня мы были уже въ Перми. Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма мало времени, такъ какъ пароходъ въ Чердынъ отправлялся утромъ, чтобы хотя взглянуть на Пермь, я тотчасъ же пошелъ прогуляться по городу. Пермь снаружи мнѣ понравилась: правильное расположеніе улицъ, масса каменныхъ домовъ красивой и изящной постройки, чистота улицъ, хотя въ большинствѣ не мощеныхъ, обиліе зелени въ садахъ—все это произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Особенное вниманіе обращаетъ на себя строящійся для женской гимназіи громадный трехъ-этажный каменный домъ смѣлой и красиво-причудливой архитектуры; недурно также

зданіе городского театра, окруженное обширным садомъ

Въ Перми мы сѣли на пароходъ „Вильгорецъ“ крестьянина Г. М. Лунегова, который утромъ 8 іюня доставилъ насъ въ Чердынъ, уѣздный городъ Пермской губерніи. По дорогѣ мы останавливались въ селѣ Усольѣ, гдѣ начальникъ Архангельской губерніи подробно осмотрѣлъ солеваренный заводъ графа А. П. Шувалова. На этотъ заводъ мы попали какъ разъ во время молебна предъ началомъ солевареннаго производства, которое въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было пріостановлено, какъ это дѣлается ежегодно для нагрузки и отправки заготовленныхъ запасовъ соли на мѣста ея поставки. Выслушавъ молебенъ, мы осмотрѣли хотя и бѣгло, но по возможности внимательно, самый заводъ. Получаемый изъ 80 саженныхъ глубиною колодцевъ разсолъ, имѣющій, какъ намъ сообщали, 27 проц. содержащейся въ немъ соли, накачивается при помощи паровой машины въ находящіяся въ восьми варницахъ особыя чудовищныхъ размѣровъ сковороды, площадь которыхъ равна $42\frac{1}{2}$ саж., а высота краевъ ихъ—13 вершкамъ. Подъ этими сковородами, называемыми „чренами“, помѣщены по двѣ печи, отапливаемые цѣлыя сутки безъ перерыва и истребляющія каждый день по три погонныхъ сажени дровъ каждая. Эти печи выпариваютъ налитый въ чрены разсолъ до тѣхъ поръ, пока послѣ двѣнадцати часоваго прогрѣванія не получится на днѣ толстый слой

осѣвшей соли, послѣ чего рабочій, называемый „униамальщикомъ“, вытаскиваетъ соль особыми лопатами и кладетъ для просушки въ особыя такія-же сковороды. Послѣ двухдневной просушки соль здѣсь получается чрезвычайно чистая, почти совершенно бѣлая. Выработанная соль идетъ въ продажу съ завода по 8, самое большее по $9\frac{1}{2}$ коп. за пудъ.

Переѣхавъ на лѣвый берегъ Камы, мы осмотрѣли содовый заводъ И. И. Любимова, если не ошибаюсь, единственный въ Россіи. Трудно описать то грандіозное впечатлѣніе, которое онъ производитъ на посѣтителя, когда войдешь въ обширное его помѣщеніе съ кишашею въ немъ рабочею жизнью. Выработка соды далеко не такъ проста, какъ добываніе соли. Соляной рассоль, добываемый изъ заводскихъ колодцевъ путемъ обширныхъ химическихъ реакцій, при посредствѣ углекислоты и амміака, преобразуется въ одно-углекислый натръ, который затѣмъ обрабатывается въ одноуглекислую соду, необходимую въ значительномъ количествѣ для промышленныхъ цѣлей. Сода здѣсь, по разсказу управляющаго заводомъ, добывается до 2000 пудовъ ежедневно и продается она съ завода по 1 р. 10 к. за пудъ безъ доставки. Громадное количество углекислоты, необходимое при выдѣлываніи соды, получается тутъ-же на заводѣ изъ известковаго камня, который доставляется изъ предѣловъ той-же Пермской губерніи. Каменный уголь, которымъ работаетъ заводъ, добывается на копяхъ Любимова-же,

находящихся всего въ 80 верстахъ отъ завода по Луньевской желѣзной дорогѣ. Уже изъ одного этого видно, что г. Любимовъ доставляетъ массу заработковъ жителямъ Пермской губерніи. Кромѣ того, онъ имѣетъ еще механической заводъ въ Перми, ведетъ пассажирское и буксирное пароходство по Камѣ и Волгѣ и имѣетъ до 60 собственныхъ баржъ для сплава товаровъ.

Какъ я сказалъ выше, 8 іюня пріѣхали мы въ Чердынь. Городъ этотъ и его торговая дѣятельность неразрывно связаны съ жизнью Печорскаго края. Всѣ товары съ незапамятныхъ временъ плутъ отсюда, и только отсюда на Печору. Чердынскіе купцы живутъ Печорою; Печора живетъ и питается, благодаря чердынцамъ или, по мѣстному, „чердакамъ“. Ежегодно изъ Чердыни съ весеннимъ половодьемъ двигаются на Печору баржи и каюки, нагруженные хлѣбомъ, солью, краснымъ товаромъ и всѣми предметами необходимости. Тѣ способы торговли, которыми она ведется чердаками съ печорцами, я опишу въ своемъ мѣстѣ; теперь же остановлюсь на описаніи того важнаго пути, по которому проходятъ чердынскіе торговые суда до Печоры. Я считаю нужнымъ подробнѣе описать этотъ путь потому, что онъ представляетъ искони вѣковъ главный путь торговаго движенія между Печорой и остальной Россіей и съ другой стороны потому, что до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, этотъ интересный торговый путь, нигдѣ не описанъ.

II.

Торговый путь на Печору. — Пароходъ „Колва“ Вилесова. — Рѣка Колва, препятствія судоходству по ней, характеръ береговъ ея. — Камни: Дивій, Ветланъ, Боецъ и Бобыковъ. — Дѣвы богатыри. — Природный дворецъ. — Мѣстныя названія странъ свѣта. — Заколы и обмеленіе рѣкъ въ связи съ ними. — Рѣка Вишерка — Валувскій копанецъ. — Чусовское озеро.

Путь на Печору изъ г. Чердыни, Пермской губерніи, лежитъ по рѣкамъ Колвѣ, впадающей въ Каму, Вишеркѣ притокѣ Колвы, Чусовскому озеру, изъ котораго Вишерка вытекаетъ, затѣмъ изъ озера вверхъ по впадающей въ него рѣкѣ Березовкѣ съ частью ея притока Еловки, и вверхъ по притоку послѣдней — рѣчкѣ Вогулкѣ. Здѣсь водный путь на время прерывается и продолжается по сухопутному волоку до рѣчки Волосницы, которой идутъ до самой Печоры. Вверхъ по рѣкѣ Колвѣ мы тронулись 8 іюня въ 7¹/₂ часовъ вечера на пароходѣ, принадлежащемъ крестьянину Г. П. Вилесову. Пароходъ этотъ исключительно буксирный и не имѣетъ никакихъ приспособленій для перевоза пассажировъ, построенъ, какъ мнѣ говорили, механикомъ самоучкой крестьяниномъ Стоиловымъ. Пришлось размѣститься всѣмъ намъ на открытой палубѣ, подвергаясь вліянію всѣхъ атмосферныхъ перемѣнъ, которыя, впрочемъ, были ничто въ сравненіи съ огненнымъ дождемъ, осыпавшимъ насъ всю дорогу. Не удив-

ляйтесь, читатель, — дѣйствительно на насъ падалъ *огненный* дождь искръ изъ пароходной трубы, не имѣвшей ровно никакихъ приспособленій противъ этого. Въ итогѣ дѣйствія огненнаго дождя оказалось прожженное на всѣхъ насъ платье, а на нѣкоторыхъ даже и обжоги, такъ какъ вылетавшія изъ трубы искры или, вѣрнѣе, угли отъ сырыхъ дровъ были значительныхъ размѣровъ. Отъ нихъ нельзя было уберечься, даже ставъ противъ вѣтра: рѣка Колва чрезвычайно извилиста и потому направленіе вѣтра относительно насъ поминутно мѣнялось.

Колва, судоходная отъ устья до Чердыни въ теченіи всей навигаціи, далѣе къ верху судоходна лишь весною и осенью, когда вода въ ней стоитъ выше воды меженной (лѣтней), по крайней мѣрѣ, на аршинъ. Другимъ препятствіемъ судоходству, кромѣ низкаго уровня воды, служатъ перекаты—длинные каменистыя мели, обилующія по рѣкѣ; такихъ перекатовъ по Колвѣ насчитывается 17, и лѣтомъ вода на нихъ падаетъ до $2\frac{1}{2}$ —3 четвертей аршина. Берега Колвы, начиная отъ Чердыни, верстѣ на 30 вверхъ по рѣкѣ представляютъ обыкновенную картину рѣчныхъ береговъ: лѣвый берегъ низменный, заливной, покрытый ивнякомъ, за которымъ слѣдуетъ лиственный, перемѣшанный съ хвоемъ, лѣсъ; правый берегъ возвышенный и по мѣрѣ удаленія отъ Чердыни принимающій все болѣе и болѣе горный характеръ, распространяющій затѣмъ

и на лѣвый берегъ, такъ что уже верстѣ на сороковой отъ Чердыни оба берега представляютъ высокія нависшія надъ рѣкою гористыя возвышенія, изъ которыхъ выдаются громад-ныхъ размѣровъ скалы, одиноко возвышающіяся надъ рѣкой. Такихъ скалъ по берегамъ Колвы, особенно замѣчательныхъ, четыре, называемыхъ по мѣстному „камнями“, какъ и всякая гора: Дивій-камень и Боець-камень—на правомъ берегу рѣки, и Ветланъ и Бобыковъ на лѣвомъ. Самый высокій камень Бобыковъ, на взглядъ—сажень въ 80 вышиною, средній—Дивій-камень и самый меньшій—Боець. Всѣ эти утесы представляютъ известковыя образованія, вулканическаго происхожденія; наслоенія породъ, ихъ составляющихъ, вертикальное, такъ что общій видъ каждаго изъ нихъ представляетъ сплошной сѣрый утесъ, какъ-бы раздѣленный на массу пирамидъ, обросшихъ наверху и по сторонамъ мелкимъ зеленымъ мхомъ. Утесы эти возвышаются совершенно отвѣсно надъ рѣкой и представляютъ дѣйствительно подавляющую своимъ величіемъ картину. Не даромъ-же по поводу Дивьяго камня у народа сложилось преданіе, основаніемъ котораго служитъ грандіозность этихъ утесовъ. Рассказываютъ, что, будто-бы, въ старину на камняхъ Дивьемъ и Ветланѣ (а находятся они въ нѣсколькихъ саженьяхъ наискось другъ противъ друга, чрезъ рѣку) жили дѣвы-богатыри, которыя прядли на вершинахъ скалъ и перекидывали чрезъ рѣку, со скалы на скалу, свои

громадныя веретена.

Какъ-разъ противъ Бобыкова-камня, на горѣ высокаго праваго берега Колвы, есть незначительное отверстіе, въ которое съ трудомъ можетъ пролѣзть человѣкъ; за отверстіемъ слѣдуетъ, направляясь постепенно внизъ, въ глубину до сажени, узкій корридоръ, который приходится проползти на четверинкахъ; но затѣмъ корридоръ этотъ, постепенно расширяясь, даже до десяти сажень, приводитъ васъ въ громадную высокую и широкую сталактитовую пещеру, на днѣ которой помѣщается обширное озеро. Изъ этой пещеры идутъ такіе-же узкіе ходы въ слѣдующія пещеры, которыхъ такъ много и ходы такъ извилисты, что, по сообщеніямъ крестьянъ, бывшихъ въ этой пещерѣ, обойти ее нельзя даже въ три дня. Направленіе ходовъ, въ большинствѣ случаевъ, на сѣверъ и сѣверо-западъ, называемый здѣсь „глубникомъ“. Очень жалѣю, что я не могъ посѣтить этотъ дворецъ, устроенный самою природою, и провѣрить слышанные мною рассказы о немъ.

Только-что я упомянулъ, что сѣверо-западъ называется по мѣстному—„глубникомъ“. Небезъинтереснымъ будетъ для читателей узнать мѣстныя названія и прочихъ странъ свѣта: югъ называется полднемъ, востокъ—стокомъ, сѣверо-востокъ—полунощникомъ, сѣверо-западъ—глубникомъ, юго-востокъ—обѣдникомъ и юго-западъ—шелонникомъ; сѣверъ и западъ сохраняютъ свои названія.

Однако, я отвлекся отъ начатаго мною изло-

женія причинъ несудоходности рѣки Колвы. Къ нимъ еще нужно прибавить одну искусственную причину—это небрежность рыбаковъ (а здѣсь рыбаки—все населеніе), небрежность, зависящую отъ лѣни и влекущую за собой значительное обмеленіе рѣки и не только одной Колвы, но и большинства сѣверныхъ рѣкъ. Рыбу здѣсь ловятъ при помощи заколовъ, или, по мѣстному, забоевъ. Устраиваются они такъ: въ дно рѣки вбивается рядъ кольевъ, на которыхъ поперекъ теченія растягивается сѣтъ и оставляется промежутокъ, въ который направляется вся рыба, за неимѣніемъ другаго выхода. Въ этомъ проходѣ поставлены верши, въ которыя она и попадаетъ. По окончаніи лова сѣти снимаются, а вбитые колья остаются на произволь судьбы. Понятно, что рѣчной иль, песокъ и камни, все это, встрѣтивъ препятствіе въ видѣ кольевъ, вбитыхъ въ дно рѣки, останавливается и дѣлается основаніемъ для мели. Новые наносные пласты песку увеличиваютъ эту мель не только въ вышину, но и въ ширину, и рѣка мелѣетъ. Такихъ мелей, зависящихъ отъ этихъ заколовъ, въ послѣдніе годы появилось много, и это обиліе ихъ грозитъ въ недалекомъ будущемъ превратить рѣки, и особенно рѣчки, судоходныя въ несудоходныя. Не лишне было-бы, если бы администрація строго преслѣдовала такое небрежное и зло-вредное пользованіе крестьянъ водяными угодьями сѣверныхъ рѣкъ.

Все, что я сказалъ сейчасъ о вліяніи зако-

ловъ на обмеленіе Колвы, еще въ большей степени примѣнимо къ рѣкѣ Вишеркѣ, притоку первой, въ которую мы вошли, покинувъ Колву. Вишерка много уже Колвы: ширина ея отъ 12 до 20 сажень; представляетъ она собою луговую рѣку, весьма удобную для сплава; берега ея у устья, вышиною до двухъ сажень надъ водою, покрыты невысокимъ смѣшаннымъ лѣсомъ; ближе къ истоку они понижаются до 1½ аршинъ, такъ что оба берега заливаются весеннею водою. Къ особенностямъ рѣки нужно отнести и ея причудливую извилистость. Напримѣръ, есть одно мѣсто (а такихъ много) у, такъ-называемой „Мерзляковой рыбачьей избы“, гдѣ рѣка, оставивъ свое главное направленіе, дѣлаетъ изгибъ и, образуя массу заворотовъ на протяженіи 11 верстъ, приходитъ опять къ той же Мерзляковой избѣ, въ то время, какъ перешеекъ между ея первымъ и послѣднимъ заворотами равенъ всего лишь 70 сажнямъ. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія черезъ этотъ перешеекъ купцомъ Валуевымъ прорытъ былъ каналъ, называемый мѣстнымъ нарѣчіемъ „копанцемъ“ — Валуевскій копанецъ. Но такъ какъ выборъ мѣста для прорытія канала, вслѣдствіе перпендикулярнаго направленія теченія къ оси канала, оказался неудачнымъ, и каналъ этотъ занесло иломъ и пескомъ, то отъ него остался 'незначительный ровъ, по которому, впрочемъ, весною по полной водѣ могутъ проходить суда и теперь. Берега Вишерки легко отмываются во-

дою, лёсъ, растушій по берегу, сваливается въ воду и засоряетъ рѣку, такъ какъ она никѣмъ не расчищается. Такія „карчи“, торчащія изъ воды, встрѣчаются въ верховьяхъ рѣки поминутно и служатъ также громаднымъ препятствіемъ для судоходства, представляя въ то-же время и опасность крушенія судовъ. Чѣмъ ближе подходили мы къ истоку рѣки, тѣмъ извилистѣе она становилась и, вслѣдствіе узкости ея, управленіе пароходомъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Пароходъ нашъ, имѣя всего лишь 12 сажень длины, мѣстами могъ лишь съ громаднымъ трудомъ пройти крутые и недлинные извороты рѣки, и приходилось иногда ударяться носомъ судна въ берегъ, въ то время, какъ корма парохода упиралась въ берегъ противоположный. На такомъ изгибѣ или „кривулѣ“ сплошь и рядомъ выдающійся мысъ одного изъ береговъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парохода заслонялъ собою отъ глазъ наблюдателя, находящагося на суднѣ, теченіе рѣки впереди парохода, такъ что было неизвѣстно, куда держать дальнѣйшее его направленіе. Огибая такіе широкіе полуострова съ ихъ крутыми и узкими заворотами, поневолѣ приходилось удивляться подвижности руля и покорности ему нашего суденышка. Наконецъ, рѣка сразу расширилась и вдали показалось Чусовское озеро. По широкой и зеркальной поверхности его, полагая я, поплывемъ безпрепятственно и нагоняющее силнѣ блужданіе по кривулямъ Вишер-

ки окончится. Но прежде, чѣмъ попали мы въ самое озеро, пароходу нашему еще долго пришлось бродить по широкому разливу устья Вишерки, который затопилъ окрестные луга и кустарники. Нерѣдко останавливали пароходъ и давали задній ходъ вслѣдствіе того, что дномъ его касались какого нибудь сѣнокоса, о чемъ свидѣтельствовали, съ одной стороны, незначительная глубина русла, а съ другой—колья, воткнутые для метанія стоговъ на сѣнокосномъ лугу и торчащіе изъ воды. Но какъ бы то ни было, наконецъ, мы попали въ самое озеро. Чусовское озеро длиною до 10 верстъ, шириною до 4; оно очень мелко и окружено болотистыми берегами и только западный его берегъ, ближе къ устью впадающей въ него рѣки Березовки, слегка возвышенъ. Чусовское озеро ежегодно все болѣе, и болѣе мелѣетъ и, въ концѣ концовъ, навѣрное обратится въ болото.

IV.

Рѣка Березовка.—Усть-Еловская пристань.—Комары, комарники, дымокуры —Рѣчка Вогулка.—Пѣсня о ней.—Печорскій волокъ.—Рѣчка Волосница.—Прибытіе на Печору.—Что такое чемкость и мысы.

Покинувъ Чусовское озеро, пароходъ „Колва“ вошелъ въ устьѣ рѣки Березовки, которое представляло собою непосредственное продолженіе этого озера, такъ какъ Березовка во время весенняго половодья широко разливадается и покрываетъ водою аршина на 3—4 окрестныя луга на нѣскольکو верстѣ въ окружности. Весенняя вода въ рѣкѣ къ 10 іюня, дню нашего по ней проѣзда, не успѣла еще окончательно обнажить покрытую ею землю, и по выходѣ изъ Чусовскаго озера предъ нами открылось обширное водное пространство, гладкое какъ зеркало, съ изрѣдка гдѣ выступающими изъ безбрежной его глади островками. Но подъ этимъ водянымъ зеркаломъ на незначительной глубинѣ находились залитыя луга, и пароходъ принужденъ былъ на ощупь искать фарватера, подобно тому, какъ онъ отыскивалъ его при входѣ въ озеро.

Версты 3—4 продолжалось это неопредѣленное блужданіе по устью Березовки; наконецъ наша „Колва“ попала въ русло и низменные болотистые берега рѣки получили ясное очер-

таніе. Предъ нами открылся болѣе чѣмъ 200 верстный путь по совершенно пустынной мѣстности, безъ всякаго населенія вплоть до самой Печоры; лишь только на 6-й верстѣ по рѣкѣ Березовкѣ находится избушка, въ которой живетъ нѣсколько рыбаковъ, промысляющихъ здѣсь рыбу; изба эта называется „Васюковой ватагой“. Проѣзжая мимо ея, мы думали купить у этихъ рыбаковъ рыбы, такъ какъ чувствовался недостатокъ провизіи, но къ сожалѣнію наловленной рыбы у нихъ не оказалось.

Характерной принадлежностью рѣки Березовки служить ея чрезвычайная извилистость, при чемъ повороты на этихъ извилинахъ зачастую до того круты, что въ лѣтнюю воду препятствуютъ пароходно-буксирному движению. Другимъ препятствіемъ къ свободному плаванію по р. Березовкѣ служатъ свалившіяся въ воду и затянутаыя рѣчнымъ пескомъ и иломъ деревья, загромоздившія рѣку до того, что мѣстами пробираться между этими загражденіями возможно было лишь съ величайшимъ трудомъ.

Но какъ бы то ни было, проплывши около 50 верстъ, мы вопли въ притокъ Березовки—Еловку и, сдѣлавъ по ней 3 версты, принуждены были у такъ называемой „Усть-Еловской пристани“ покинуть пароходъ, который не могъ уже идти далѣе, вслѣдствіе мелкоты и узости рѣки, и пересѣсть въ лодки.

На Усть-Еловской пристани построено нѣсколь-

ко амбаровъ, принадлежащихъ Чердынскимъ купцамъ. Товары, отправляемые ими на Печору въ крытыхъ баркахъ, именуемыхъ „каюками“, имѣющихъ до 10 сажень длины, доходятъ отъ Чердыни до Усть-Еловской пристани частью бичевой и на шестахъ, частью на буксирѣ пароходовъ. Здѣсь они перегружаются въ болѣе мелко сидящія суда, а въ случаѣ мелководья остаются въ амбарахъ до установавленія удобнаго пути. На Усть-Еловской пристани жителей нѣтъ, имѣется лишь изба караульщика, но и того я не видалъ, такъ какъ онъ въ то время отлучился куда-то изъ дому.

На этой пристани впервые пришлось ознакомиться съ муками, причиняемыми путешественникамъ комарами, о которыхъ я такъ много слышалъ ранѣе. И на парходѣ эти маленькія, нагоняющія тоску своимъ жужжаніемъ насѣкомыя, донимали уже насъ порядкомъ, однако кое-какъ съ ними еще можно было мириться; но какъ только вышли мы на берегъ, безчисленныя полчища ихъ осадили тучами каждога изъ насъ, и если бы не комарники, которыми мы запаслись въ Архангельскѣ, то лица наши чрезъ какія-нибудь 5 минутъ сдѣлались бы неузнаваемыми. Для непосвященнаго читателя будетъ не лишнимъ объясненіе, что такое „комарникъ“; это ничто иное, какъ сѣтка, предохраняющая лицо отъ укуса комаровъ; устраивается онъ въ большинствѣ случаевъ въ видѣ монашескаго капюшона, изъ какой-нибудь

цвѣтной бумажной ткани, съ волосяной или металлической сѣткой предъ лицомъ. Мѣстными Печорскими крестьянами замѣчено, что комары любятъ чернѣй и бѣлѣй цвѣта и потому преимущественно садятся на нихъ; во избѣжаніе этого Печорцы дѣлаютъ комарники изъ ярко-красной ткани, преимущественно изъ кумача. Капюшонъ комарника спускается до пояса и комару такимъ образомъ трудно попасть подъ это спасительное отъ комаровъ приспособленіе.

Другимъ средствомъ противъ комаровъ служатъ „дымокуры“, — тлѣющіе костры гнилаго дерева и травы, распространяющіе густой, удушливый дымъ. Разводятъ дымокуры и на открытомъ воздухѣ и въ избахъ; въ послѣднемъ случаѣ ихъ устраиваютъ въ котелкѣ, желѣзномъ ведрѣ и т. п. И сидишь въ этомъ чаду и дыму, задыхаешься, слезы текутъ изъ глазъ, а все-таки лучше, — комары почти не кусаютъ.

Сѣвъ въ лодки и тронувшись въ путь по рѣчкѣ Вогулкѣ, притокѣ Ёловки, мы тѣмъ не менѣе не избавились отъ этой египетской казни: комары тучами сопровождали насъ, не смотря на то, что на носу лодки былъ разведенъ „дымокуръ“. Подъ комарникомъ душно, поневолѣ приподынешь его, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, курить захочешь — опять нужно поднять комарникъ, ѣсть начнешь — опять поднимай, и вотъ во время этихъ то подъемовъ осада комаровъ становится нестерпимой.

Рѣчка Вогулка замѣчательна своими кома-

рами; но и безъ нихъ путь по ней представляется крупнымъ мученіемъ. Рѣчка эта въ сущности ничто иное, какъ двухъ саженой ширины протокъ среди болотистой мѣстности, протокъ весьма капризно извивающійся и до того мелкій, что наши плоскодонныя лодки, передвигавшіяся при помощи шестовъ, которыми трое рабочихъ упирались въ дно или берегъ рѣчки, поминутно молились; рабочимъ приходилось почти все время быть въ водѣ и тащить лодки на рукахъ. Путь очень часто преграждался деревьями, уцавшими поперекъ рѣчки съ одного берега на другой; деревья эти необходимо было перерубать топоромъ. Пройти эту 70 верстную рѣчку, вовсе въ сущности не судоходную, представляетъ очень тяжелый трудъ даже и для пассажировъ, волей-неволей иногда помогающихъ рабочимъ, не говоря уже о самихъ рабочихъ, которые къ концу дня и окончательно утомляются, и совершенно промокаютъ. Ночлегъ среди пути на голой землѣ у костра въ теченіе 4—5 часовъ служитъ для нихъ далеко недостаточнымъ отдыхомъ. Судоходство по этой рѣчкѣ совершается лишь вслѣдствіе безысходной необходимости: другаго пути пока нѣтъ. Насколько мучительно и трудно путешествіе по этой рѣчкѣ видно изъ пѣсни, которую я внесъ въ свои путевыя записки, — вотъ она:

Вотъ такъ рѣченька Вогулка,
Хороша по ней прогулка
Нечего сказать!

Извивается какъ змѣйка,
Точно чортова лазейка,
Какъ тутъ путь держать?

Лишь толкнешься вправо смѣло,
Такъ тебя сейчасъ же влѣво
Наровить свернуть.

А направись ты прямо,
Смотришь мысль стремится рьяно
Перерѣзать путь.

Глубина-то въ три сажени,
То до полъ-аршина мели,
Хоть плыви назадъ!

Ширина въ ней двѣ сажени.
Что ни шагъ, то сосны, ели,
Поперекъ лежатъ.

Мы деревья прорубали,
Путь себѣ тѣмъ пролагали
Медленно впередъ.

Мы шестами подпирались,
Еле-еле подвигались
Ничто не беретъ!

На мель часто мы сажались
Комарами тутъ давились,
Лѣзли прямо въ ротъ.

Такъ по рѣченькѣ Вогулкѣ
Совершали мы прогулку
Какъ не рассказать?

Наконецъ и наша „прогулка по Вогулкѣ“
окончилась и мы доплыли, или, вѣрнѣе, дота-

пились до „Вештомовой пристани“. Далѣ плыть уже нельзя было: въ Вогулкѣ было почти сухо. Здѣсь начался сухопутный Печорскій волокъ—перешеекъ между системами водъ рѣкъ Камы и Печоры. Отъ Вештомовой пристани на лошадяхъ по довольно сносной дорогѣ мы добрались до „Пуповой пристани“. На этой пристани, находящейся отъ первой въ разстояніи шести верстѣ, имѣется изба, въ которой живетъ подрядчикъ, обязавшійся чердынскимъ купцамъ, за извѣстное вознагражденіе, содержать въ исправности существующія дороги и имѣть лошадей и телѣги для перевозки по опредѣленной таксѣ товаровъ съ одной рѣчки на другую.

Пріѣхавъ сюда на лошадяхъ, мы должны были дожидаться перевозки черезъ волокъ нашего багажа и лодокъ, такъ какъ на той сторонѣ волока—въ рѣчкѣ Волосницѣ, притокѣ Печоры,—лодокъ небыло. Перевозка лодки на лошадяхъ—дѣло трудное, тѣмъ болѣе по болотистой дорогѣ, устланной жердями, — отняла у насъ болѣе сутокъ времени. Эти сутки пришлось провести въ имѣющемся при избѣ подрядчика сараѣ, гдѣ устроили парусинные „полога“—большой чахолъ изъ парусины, закрывающій васъ на подобіе ящика, подъ которымъ можно лежать, не опасаясь быть заѣденнымъ комарами. Забравшись подъ пологъ и сжегши тамъ изрядное количество персидскаго порошка, можно было сравнительно спокойно провести ночь; днемъ же приходилось спасать—

ся въ чаду дымокура.

На другой день, 13-го іюня, рано утромъ, пройдя пѣшкомъ около четырехъ верстъ, достигли мы рѣчки Волосницы, съ которой путешествіе наше началось уже по теченію воды, тогда какъ до сихъ поръ шло противъ теченія. Но и это обстоятельство не многимъ облегчило нашъ путь: мелководье, комары, мели, переборы, карчи—все это было нашими постоянными спутниками-мучителями. Спустя не много болѣе сутокъ мы окончили 90 верстный путь по Волосницѣ и доплывъ наконецъ до Печоры, цѣли нашей поѣздки, — увидали ожидающій пароходъ, нанятый для нашего путешествія по этой величественной рѣкѣ; пароходу этому, какъ избавителю отъ мукъ, мы обрадовались очень. Такимъ образомъ въ 19 сутокъ сдѣлали мы отъ Архангельска болѣе 4000 верстъ и прошли по тому пути, который служитъ единственной до настоящаго времени торговой дорогой, связующей Печорскій край съ мѣстностями, откуда онъ получаетъ всѣ жизненные продукты. Какова эта дорога, читатель могъ видѣть уже изъ моего описанія. Несомнѣнно, что всѣ трудности ея и дальность ея протяженія ложатся возвышеніемъ цѣнъ на товары, доставляемые чердынцами на Печору. Невольно рождается вопросъ, неужели же нѣтъ другихъ дорогъ, ведущихъ на Печору; неужели, если этотъ путь дѣйствительно единственный, нельзя настолько его улучшить, чтобы онъ сдѣлался свободнопроходимымъ? Отвѣтъ на эти

вопросы я изложу въ слѣдующей главѣ моихъ замѣтокъ. Въ заключеніе же настоящей сообщу читателямъ объ оригинальныхъ мѣрахъ разстояній, существующихъ по пройденнымъ нами рѣкамъ Пермской губерніи. Такъ какъ эти рѣки не измѣрены верстами, то народъ опредѣляетъ разстоянія на нихъ по какимъ-либо внѣшнимъ признакамъ, напр. отъ устья какой-нибудь рѣчки или ручья, впадающихъ въ рѣку, до холма, находящагося на берегу, или, если нѣтъ этихъ естественныхъ признаковъ,—отъ какой-нибудь елки безъ вершины до кривой березы и т. д. Здѣсь эти разстоянія называются „чѣмкосами“ (отъ зырянскихъ словъ: чѣмъ — клѣтка и кость — промежутокъ). Эти чѣмкосы равны приблизительно 5 верстамъ, но случаются и такіе, что тянутся по 9 верстѣ. Другою мѣрою протяженія, особенно по извилистой рѣчкѣ Вогулкѣ, служатъ *мысы*. Здѣсь не говорятъ: „осталось столько-то верстѣ ѣхать“, а „осталось столько-то мысовъ обогнуть“. Измѣряя такимъ образомъ разстоянія, судовщики точно опредѣляютъ даже время, необходимое чтобы ихъ проѣхать; человекъ же, непосвященный въ эти „чѣмкосы“ и „мысы“, рѣшительно не можетъ сообразить этихъ величинъ съ тѣми понятіями, которыя онъ имѣетъ о мѣрахъ длины.

IV.

Пути въ Печорскій край.—Новая дорога Сибирякова.—Необходимость улучшения торговаго пути изъ Чердыни на Печору.—Первый пароходовладелецъ на Печорь.—Исторія проэктвъ соединенія Печоры съ Камскимъ бассейномъ.—Прозектъ желѣзной дороги на Печору и его значеніе.

Обширный Печорскій край, вмѣщающій въ предѣлахъ своихъ болѣе $7\frac{1}{2}$ тысячъ квадратныхъ миль и граничащій Ледовитымъ океаномъ, Уральскими горами и водораздѣлами между Печорой и рѣками Камой и Мезенью, соединяется съ остальною Россіей и всѣмъ міромъ четырьмя путями. Одинъ путь—лѣтній, по которому мы проѣхали и который мною описанъ въ предыдущихъ главахъ замѣтокъ,—путь исключительно торговый. Другой путь—почтово-административный—соединяетъ Печору съ западной частью Мезенскаго уѣзда и съ уѣзднымъ городомъ (*). Третій путь соединяетъ Печорскій край съ Сибирью чрезъ Уральскія горы; путь этотъ по настоящее время лишь зимній. Наконецъ послѣдній путь—Ледовитый океанъ, въ который впадаетъ Печора, представляетъ при современномъ положеніи дѣ-

(*) Лѣтомъ по рѣкамъ Цильмѣ, впадающей въ Печору, Чиркѣ, притоку Цильмы, Цилемскимъ 15 верстнымъ сухопутнымъ волокомъ и рѣками Рочугой и Пёзой, впадающей въ р. Мезень до г. Мезени, на протяженіи всего 738 верстъ; зимою же дорога прокладывается прямо по замерзшимъ болотамъ; тогда разстояніе отъ Мезени до Печоры или, точнѣе, до Усть-Цильмы всего 500 верстъ.

ла лишь самое скромное торговое движеніе въ навигаціонный періодъ времени, преимущественно съ заграничными портами, при помощи парохода А. М. Сибирякова „Норденшильдъ“.

Для благосостоянія Печорскаго края, слишкомъ удаленнаго отъ центра Россіи, живущаго исключительно промысловою жизнью, далеко необезпеченнаго хлѣбомъ, въ немъ произрастающимъ, и нуждающагося въ привозѣ всѣхъ предметовъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей жителей, до телѣги включительно, пути сообщенія должны удовлетворять прежде всего двумъ цѣлямъ: удобству и быстротѣ сношенія съ административными центрами управленія—уѣзднымъ и губернскимъ городами—и удобству и дешевизнѣ перевозки какъ грузовъ и товаровъ, ввозимыхъ на Печору, такъ и тѣхъ продуктовъ, которые служатъ предметами вывоза изъ Печорскаго края. Изъ этихъ двухъ цѣлей, какъ прямое слѣдствіе, вытекаетъ раздѣленіе путей сообщенія на два направленія: одно къ западу отъ Печоры—административно-почтовая дорога къ губернскому городу, другое направленіе къ тому или иному торговому центру, который можетъ снабжать Печору своими товарами и прежде всего хлѣбомъ. Архангельскъ не можетъ быть этимъ центромъ по весьма простой причинѣ: почти всѣ товары онъ самъ получаетъ путемъ привоза, разстоянія же какъ изъ центра Россіи до Архангельска, такъ и отъ Архангельска до Печоры, считаемыя тысячами верстъ, дѣлаютъ

фрахтъ слишкомъ высокимъ, если даже не принимать во вниманіе неудобствъ существующихъ путей сообщеній. Такимъ образомъ остается два возможныхъ направленія *торговаго* пути съ Печоры въ Россію: первое на югъ къ Волжско-Камскому бассейну, второе на востокъ—въ Сибирь.

Что касается до дороги, соединяющей Сибирь съ Печорскимъ краемъ, или бассейны рѣкъ Оби и Печоры, то дорога эта существуетъ уже издревле, но, къ сожалѣнію, лишь въ зимнее время, когда она протаптывается по замерзшимъ и занесеннымъ снѣгомъ болотамъ, такъ изобилующимъ не только на этомъ водораздѣлѣ, но и во всѣхъ проходахъ черезъ Уральскія горы. До прошлаго года по дорогамъ этимъ двигались лишь остяки и самоѣды со своими оленьими стадами и съ продуктами оленеводства, которые они обмѣнивали у Ижемцевъ на другіе товары (*). Два года тому назадъ А. М. Сибиряковъ началъ проводить лѣтнюю постоянную дорогу, направленіе которой имъ было избрано отъ села Ляпина, Тобольской губерніи, лежащаго на притоку Оби—Сыгвѣ, до селенія Оранецъ на Печорѣ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи. Затѣмъ направленіе это было измѣнено отъ села Ляпина уже южнѣе на село Усть-Щугоръ, Вологодской губерніи. Причины этого измѣненія мнѣ въ точности неизвѣстны; говорятъ, будто направленіе это измѣнено потому, что въ мѣст-

(*) Ижма—самое крупное торговое село Печорскаго края.

ности, гдѣ проводилась дорога ранѣе, существуютъ непреодолимая въ техническомъ отношеніи для устройства дороги топкія болота; между тѣмъ мѣстные крестьяне, проходившіе эту проектированную дорогу, сообщали мнѣ, что особенно значительныхъ болотъ на всемъ пути не встрѣчается, и что напротивъ оставленная дорога имѣла за собою то преимущество, что короче избранной и по сторонамъ ея растетъ въ изобильномъ количествѣ олений мохъ, безъ котораго невозможно проводить значительное количество оленей, тянущихъ товары изъ Сибири на Печору. Но какъ бы то ни было въ настоящее время дорога на дер. Оранецъ оставлена, хотя уже проведена отъ этого селенія верстъ на пять и притомъ проведена весьма хорошо, какъ я могъ убѣдиться въ томъ лично, пройдя устроенный и брошенный участокъ: дорога шириною въ сажени три, съ канавками по сторонамъ и широко устроенными мостиками чрезъ ручьи и болотца, не составляетъ желать ничего лучшаго. Между тѣмъ вновь проектированная дорога отъ села Усть-Щугоръ во время нашего ея осмотра, представляла лишь просѣку версты на три и такъ какъ мѣстность, по которой она проводится, очень болотистая, то мы не могли осмотрѣть и этихъ трехъ верстъ; отъ села же Ляпина, говорятъ, проведено дороги около 30 верстъ.

Подвозимые водянымъ путемъ до с. Ляпина грузы будутъ отправляемы по этой 158 вер-

стной дорогой до рѣки Печоры гужемъ, т. е. на лошадахъ или оленяхъ. Несомнѣнно, что сибирскій хлѣбъ, не имѣющій до сего времени достаточнаго сбыта за отсутствиемъ удобныхъ путей сообщенія и потому весьма дешевый, въ случаѣ правильной его доставки на Печору понизить цѣнность хлѣба, доставляемаго Печорцамъ Чердынскими купцами и закупаемаго ими обыкновенно на Камскихъ пристаняхъ. Отсутствие всякой конкуренціи давало до сихъ поръ свободный просторъ монополіи Чердынцевъ, которые назначали слишкомъ высокія на хлѣбъ цѣны (иногда до 12 руб. за куль). Въ прошломъ 1886 году А. М. Сибиряковъ доставилъ на Печору *зимю*, по зимнему пути, до 20000 пудовъ хлѣба изъ Сибири; хлѣбъ этотъ продавался Печорскимъ жителямъ по 7 руб. 20 коп. за куль на наличныя деньги. Уже этотъ единичный фактъ возрождающейся конкуренціи побудилъ Чердынскихъ купцовъ въ свою очередь понизить цѣнность своего хлѣба до 7 р. 70 к. въ кредитъ.

Но хотя предполагаемая Печорско-Обская дорога чрезъ Уральскій хребетъ, представляющая коммерческое предпріятіе одного лица, окажетъ несомнѣнно весьма благодѣтельное вліяніе на Печорскій край въ смыслѣ удешевленія вообще всѣхъ товаровъ, начиная съ хлѣбнаго, тѣмъ не менѣе, принявъ во вниманіе, что торговля Печорцевъ съ Чердынцами производится въ теченіе далеко болѣе столѣтія, что всѣ жители Печорскаго края имѣютъ сбытъ

своихъ произведеній исключительно въ руки Чердынцевъ въ обмѣнъ на привозимые ими товары и что подвозъ хлѣба и прочихъ необходимыхъ для Печорцевъ товаровъ не подверженъ особымъ случайностямъ и поэтому всегда обезпеченъ, особенно же въ виду большого количества Чердынскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ Печорой, — повторяю, принявъ все это во вниманіе, нельзя не прійти къ заключенію, что насколько желательно въ интересахъ Печорскаго края проведеніе торговаго пути съ Печоры въ Сибирь, настолько же важно и поддержаніе стариннаго, существующаго пути между Печорой и г. Чердынью, улучшаемаго и исправляемаго до сего времени на частныя средства тѣхъ же Чердынскихъ купцовъ.

Для указанія, на сколько эти затраты солидны, приведу три нижеслѣдующихъ примѣра. Какъ упомянуто мною въ предыдущей главѣ, доставка товаровъ на судахъ совершается безпрепятственно до Усть-Еловской пристани, гдѣ происходитъ перегрузка товаровъ въ суда болѣе мелко сидящія. Между тѣмъ лѣтъ 5 тому назадъ выше Усть-Еловской пристани не могли проходить не только нагруженные суда, но даже и лодки, вслѣдствіе того, что рѣка была завалена свалившимися въ нее деревьями, пнями — однимъ словомъ, путь преграждался такъ называемыми „заломами“. Чердынскій крестьянинъ Езовъ прокопалъ на свой счетъ для обхода этихъ заломовъ нѣсколько (если не ошибаюсь три) мы-

совъ; прокопы эти въ настоящее время настолько размыты силою теченія, что теперь могутъ проходить по нимъ свободно лодки даже въ меженную воду.

На сухопутномъ волокъ между Вогулкой и Волосницей содержатся лошади и телъги для перевозки товаровъ подрядчикомъ, который обязанъ содержать въ исправности дорогу чрезъ волокъ и которому кромѣ попудной платы, арендныя деньги (300 руб. въ годъ) платятъ тѣже чердынскіе кушцы.

Наконецъ, существовавшій на 44 верстѣ отъ Якшинской пристани на самой Печорѣ порогъ, представлявшій громадныя затрудненія для судоходства, расчищенъ отъ камней и проходъ въ немъ расширенъ до 8 сажень предприимчивымъ чердынскимъ крестьяниномъ И. А. Сусловымъ на свои средства.

Упомянувъ фамилію Сулова, я не могу не сказать здѣсь, что ему принадлежитъ крупная предъ Печорскимъ краемъ заслуга—учрежденіе по Печорѣ пароходства. Въ 1880 году имъ былъ спущенъ первый на Печорѣ пароходъ, за что онъ получилъ золотую медаль отъ „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“. Въ настоящее время по Печорѣ ходятъ уже четыре рѣчныхъ парохода, изъ которыхъ два принадлежатъ тому же крест. Сулову и два крестьянину Черныхъ.

Возвращаясь къ необходимости поддержки и улучшенія Чердынскаго торговаго пути на Печору, я упомяну между прочимъ, что необ-

ходимость непосредственнаго соединенія Печоры съ бассейномъ Камы и Волги, именно въ виду необезпеченности Печорскаго края хлѣбомъ, сознава уже, такъ сказать, исторически: еще въ 1789 году адмираль Рибасъ хотѣлъ прорыть каналъ между Печорой и Волгой; въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтїя генераль Паренцовъ предполагалъ соединить каналомъ р. Березовку съ Волосницею; въ сороковыхъ годахъ купецъ Мичуринъ предлагалъ устроить на свой счетъ дорогу отъ Чердыни до Печоры и т. д. до настоящаго времени являются въ силу насущной потребности самыя разнообразныя проекты соединенія Печеры съ Камой.

Очевидно, что соединеніе Печорскаго съ Камскимъ бассейномъ, такъ назрѣвшее въ теченіи болѣе столѣтїя, должно удовлетворять двумъ важнымъ условїямъ: дешевизнѣ его устройства и краткости протяженія. Всѣ проекты прорытія каналовъ черезъ чуръ дороги для исполненія и Правительство не могло бы прійти на помощь этому дѣлу, требующему болѣе чѣмъ миллионной затраты; проведеніе сухопутныхъ дорогъ, какъ грунтовыхъ, такъ шоссейныхъ, кромѣ удлинненія разстояній, представляетъ въ силу мѣстныхъ условій, громадныя, почти непреодолимыя, затрудненія: болотистость почвы устраняетъ возможность, проведенія грунтовой дороги, шоссейная же, за неимѣніемъ на мѣстѣ камня, обошлась бы слишкомъ дорого, ремонтъ ея поглощалъ бы ежегодно крупныя сум-

мы и, наконецъ, при какой бы то ни было сухопутной дорогѣ потребовалось бы значительное количество лошадей, которыхъ пришлось бы держать для перевозки товаровъ по такой дорогѣ въ теченіи лишь лѣтняго времени.

Крайняя необходимость соединенія Печоры съ Камскимъ бассейномъ и невозможность этого соединенія, какъ только что я выяснилъ, водянымъ или грунтовымъ сообщеніемъ, побудили вышеупомянутаго крестьянина И. А. Сулова остановиться на мысли провести желѣзную дорогу между системами водъ Печоры и Камы, для чего онъ намѣтилъ мѣстность между р. Березовкой и Печорой. Соглашаясь съ рациональностью и удобоисполнительностью этого проекта, считаю нелишнимъ ознакомить съ нимъ читателей нѣсколько подробнѣе.

Какъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, за 3 версты до Усть-Еловской пристани мы свернули изъ р. Березовки въ р. Еловку. Между тѣмъ Березовка можетъ быть хорошо судоходною еще выше на 30 верстъ до такъ называемой „Суловской пристани“, если только русло ея очистить отъ лѣсныхъ заломовъ, что не потребуетъ особо значительныхъ расходовъ. Отъ этой Суловской пристани пролегаетъ ровная, безъ возвышенности, площадь земли вплоть до Печоры,—точнѣе до самой главной Печорской пристани—Якшинской. На протяженіи 29-ти верстъ, между этими двумя пристанями, Суловъ и проектируетъ желѣзную дорогу. Проведеніе ея, по его словамъ,

обойдется не дороже 10000 рублей съ версты, такъ какъ имъ предполагается легко устраиваемая и недорого стоющая переносная желѣзная дорога системы Дековила, рельсовый путь которой можетъ быть устроенъ прямо на поверхности земли, въ сырыхъ же и болотистыхъ мѣстахъ—по бревенчатой настилкѣ, или на сваяхъ. Выгода устройства такой дороги заключается въ томъ, что, помимо значительнаго доставляемаго ею сокращенія пути между Печорой и Чердыню, она оставляетъ совершенно въ сторонѣ невозможно мучительную для судоходства рѣчку Вогулку, Печорской волокъ и 90 верстную рѣчку Волосницу и приводитъ на Печору не къ деревнѣ Усть-Волосницѣ какъ теперь, пароходное сообщеніе отъ которой не всегда возможно далѣе внизъ по Печорѣ, а къ главнѣйшей торговой пристани на Печорѣ—Якшѣ, судоходство отъ которой всегда обезпечено. Проектъ этотъ еще въ началѣ 1881 года былъ поданъ Сусловымъ Г. Пермскому Губернатору и въ 1885 году въ „Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“, которое выразило полное сочувствіе проведенію этой дороги и постановило представить проектъ Суслова Г. Министру путей сообщенія.

Съ устройствомъ этой желѣзной дороги, въ связи съ незначительной расчисткой рѣкъ Колвы Вишерки и Березовки, Печорскій край получилъ бы возможность постояннаго подвоза въ него хлѣба, почему могъ бы быть всегда обез-

печень въ продовольственномъ отношеніи. Съ другой стороны сокращеніе пути и его удобства, влекущія за собою пониженіе фрахта, а также устраненіе монополии Чердынскихъ купцовъ на Печорѣ, при проведеніи этого желѣзнодорожнаго пути—все это значительно понизитъ существующія непомерно высокія цѣны на всѣ товары, даже на предметы первой необходимости. Нельзя по этому не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому проэктору и не пожелать, въ интересахъ удаленнаго отъ центровъ цивилизаціи трудящагося населенія Печорскаго края, скорѣйшаго приведенія его въ исполненіе.

V.

*Общій обзоръ теченія рѣки Печоры.—Деревня
Усть-Волосница.—Якшинская пристань.—Значе-
нiе ея въ торговлю Печорскаго края.—Ярмарка.—
Крендельщики.—Населенiе.*

Рѣка Печора вытекаетъ съ западнаго скло-
на Уральскихъ горъ, подъ $62^{\circ}6'$ с. ш., въ
предѣлахъ Пермской губернiи. Первые 375
верстъ ея теченiя до устья рѣки Волосницы
считаются несудоходными, затѣмъ остальные
1500 верстъ вполнѣ судоходны, при чемъ лишь
только неподалеку отъ Якшинской пристани
встрѣчается 4—5 пороговъ, которые въ сущно-
сти не представляютъ особыхъ препятствiй
для судохожденiя и безъ большихъ трудовъ и
затратъ могутъ быть свободно расчищены.
Спустившись на Печору изъ Волосницы, я
могъ любоваться красивыми крутыми обрыви-
стыми, покрытыми густымъ лѣсомъ берегами
этой сѣверной Волги. Хотя ширина ея при-
тивъ устья Волосницы на взглядъ всего лишь
до 70 сажень, но по сравненiю съ только что
пройденными рѣками и рѣчками, Печора по-
казалась мнѣ очень и очень широкою.

Теченiе этой величественной рѣки раздѣ-
ляютъ на двѣ части Малую и Большую Пе-
чоры; первая продолжается отъ истоковъ до
впаденiя въ нее съ правой стороны громадна-
го притока Илыча, тоже вытекающаго изъ

Уральскихъ горъ (говорять, будто по теченію Илыча существуютъ золотоносные пески). Ложе Малой Печоры каменистое, берега ея имѣютъ характеръ горный, представляя собою известковые обрывистые утесы. Расширяясь постепенно, предъ принятіемъ въ себя Илыча она имѣетъ до 100 сажень ширины и затѣмъ, по впаденіи этого притока, не меньшаго самой Малой Печоры, сразу становится вдвое шире, при чемъ и характеръ русла ея также рѣзко мѣняется: дно ея дѣлается крупно-песчанымъ.

Раздвигая всѣ болѣе и болѣе берега свои, Печора вырѣзываетъ и омываетъ многочисленныя встрѣчающіеся по ней острова, раздѣляясь по временамъ на нѣсколько рукавовъ, и наконецъ образовавъ многоверстную въ длину и ширину дельту, вливается своими медленно катящимися волнами въ безбрежный Сѣверный Ледовитый океанъ.

Принимая въ себя на своемъ почти двухъ-тысячеверстномъ протяженіи до 80 притоковъ, Печора охватываетъ водами своими изъ своихъ притоковъ обширнѣйшій край, почти равный по пространству своему цѣлой Франціи—край Печорскій, обзорѣніе котораго мы и начали съ деревни Усть-Волосницы, находящейся на правомъ берегу Печоры, въ 4 верстахъ отъ устья рѣки Волосницы. Небольшая деревня эта имѣетъ всего 11 дворовъ и не представляетъ собою ничего особо примѣчательнаго или достойнаго описанія. Жители ея осенью занимаютъ

охотой на дичь въ окружающихъ лѣсахъ, а лѣтомъ судостроеніемъ. Въ Усть-Волосницѣ построено большинство баржъ и каюковъ, ходящихъ по Печорѣ; въ ней же построены и спущены на воду въ 1881 году и пароходъ „Печорецъ“, на которомъ мы совершали поѣздки по Печорѣ. Кстати скажу, что 35-ти сильная машина „Печорца“ и всѣ металлическія его части сдѣланы изъ русскаго матеріала на механическомъ заводѣ И. И. Любимова въ Перми и чрезъ г. Чердынъ доставлены въ Усть-Волосницу.

Не останавливаясь на описаніи дер. Усть-Волосницы, я перейду къ описанію главнѣйшей и важнѣйшей торговой на Печорѣ пристани—Якшинской, которая лежитъ на 60 в. (на 12 чемкосовъ) ниже Усть-Волосницы. Подъѣзжая къ Якшинской пристани, издали кажется, что подъѣзжаешь къ обширному селу со множествомъ расположенныхъ вдоль праваго берега Печоры жилыхъ строеній; на дѣлѣ же оказывается, что обитаемыхъ домовъ на Якшинской пристани всего лишь восемь, остальные же строенія—все амбары, которыхъ здѣсь болѣе сотни, не считая амбаровъ, расположенныхъ по лѣвому берегу рѣки.

Подвезенные въ теченіе зимы, начиная съ декабря, съ Усть-Еловской пристани разнообразные товары тотчасъ же по вскрытіи Печоры грузятся на суда, при чемъ погрузка эта производится чрезвычайно удобно: весенняя вода, не затопляя высокаго берега пристани, въ

то же время позволяет судамъ подойти вплотъ къ самымъ амбарамъ. Отсюда нагруженные товары развозятся по всеѣмъ селеніямъ, внизъ по Печорѣ лежащимъ, включительно до села Куи, лежащаго въ устьѣ рѣки. Часть судовъ, по распродажѣ этихъ товаровъ, забираетъ въ обмѣнъ на нихъ продукты мѣстныхъ промысловъ и свозитъ все набранное вновь на Якшинскую пристань; другая часть судовъ этихъ дѣлаетъ тоже самое осенью. Первый обратный караванъ этихъ судовъ приходитъ на Якшинскую пристань послѣ 15 августа и называется весеннимъ, такъ какъ онъ привозитъ преимущественно рыбу весенняго улова (сиговъ, омулей, харіусовъ); второй—около 1 октября и называется осеннимъ, съ главнымъ грузомъ семги и сиговъ осенняго улова, а также сала. Привезенными товарами вновь нагружаются якшинскіе амбары и освобождаются отъ нихъ съ наступленіемъ зимняго пути. Такимъ образомъ Якшинская пристань представляетъ центральный складъ всей Печорской торговли, какъ ввозной, такъ и экспортной. Въ складѣ этомъ главными хозяевами, понятно, чердынскіе купцы, которые, въ числѣ около 20, владѣютъ почти всеѣми амбарами, за исключеніемъ одного, принадлежащаго крестьянину дер. Оранецъ, Архангельской губ., Логинову и нѣсколькихъ мелкихъ амбаровъ, владѣльцы которыхъ Вологодскіе зыряне.

Не знаю, на сколько достовѣрны полученныя мною отъ смотрителя пристани свѣдѣнія о ко-

личествѣ товаровъ, находившихся въ нынѣшнемъ году на Якшинской пристани, но тѣмъ не менѣе привожу ихъ здѣсь, такъ какъ они имѣютъ свой интересъ. Весною въ амбарахъ лежало до 18000 девятипудовыхъ кулей ржаной муки и до 60000 пудовъ соли; про красныя и другіе товары свѣдѣній я добыть не могъ. Зимсю отправлено на Чердынъ до 50000 пудовъ сига и другой бѣлой рыбы, до 5000 пудовъ сала и до 2000 пудовъ семги; прошлый годъ, неудачный по отношенію къ ловлѣ семги, далъ незначительное количество ея; обыкновенно же чрезъ Якшинскую пристань провозится до 8—10 тысячъ пудовъ печорской семги.

Около Рождества на Якшинской пристани ежегодно бываетъ ярмарка, которая въ сущности представляетъ лишь мѣсто сборища торгующихъ на Печорѣ купцовъ или ихъ прикащиковъ и такъ называемыхъ „задатчиковъ“, т. е. лицъ, которымъ даны этими купцами товары въ долгъ. На Якшинскую пристань являютя задатчики—преимущественно зыряне Вологодской губерніи,—чтобы уплатить долги свои продуктами своихъ промысловъ, главнымъ образомъ шкурками бѣлокъ и дичью, и вновь забрать въ долгъ необходимые въ ихъ скромномъ житейскомъ обиходѣ товары. Всѣ торговые обороты такимъ образомъ совершаются безъ наличныхъ денегъ, путемъ обмѣна и притомъ лишь между купцами-кредиторами и ихъ задатчиками-должниками. Если бы сюда явился

человѣкъ посторонній, то онъ ничего не могъ бы купить даже на наличныя деньги изъ первыхъ рукъ зырянъ-промышленниковъ: они ему ничего не продали бы изъ боязни потерять за то кредитъ у купцовъ, чему уже бывали примѣры. Царствующая такимъ образомъ монополія въ этой мѣнливой торговлѣ и вѣчная изъ году въ годъ кабала должниковъ-зырянъ ложится тяжелымъ бременемъ на ихъ экономическое положеніе.

Требованія торговли съ Печорскимъ краемъ вызвали озобое производство на Якшинской пристани. Я говорю про печенье баранокъ, называемыхъ здѣсь кренделями и выдаваемыхъ торговцами на Печорѣ за привозимые изъ Москвы. Кренделей этихъ здѣсь выпекается въ годъ до 4000 пудовъ; занимаются этимъ дѣломъ спеціально для того живущіе на пристани три „крендельщика“, которые получаютъ отъ купцовъ муку для печенія и за каждый пятипудовый мѣшокъ готовыхъ кренделей заработной платы 2 рубля, такъ что каждый крендельщикъ выручаетъ до 500 руб. въ годъ, имѣя въ то же время все содержаніе, кромѣ помѣщенія, готовое отъ тѣхъ же купцовъ. „Московскіе“ крендели эти продаются на Печорѣ по 15 коп. за фунтъ.

Постоянное населеніе Якшинской пристани составляютъ четыре семьи: три крендельщика и смотритель пристани, нанимаемый владельцами амбаровъ, которые платятъ ему за охрану ихъ товаровъ, хранящихся въ ам-

барахъ, въ видѣ жалованья по 3 рубля съ каждой 1000 пудовъ товара, привезеннаго на Якшинскую пристань. Постояннымъ жителемъ на Якшинской пристани живетъ также сидѣлецъ находящагося тутъ постоялаго двора. Дворъ этотъ, при сравненіи съ постоянными дворами прочихъ мѣстностей Россіи, имѣетъ оригинальную особенность: на немъ нельзя найти не только пищи для проѣзжаго, но даже и сѣна или овса для лошади, хотя имѣется на полкахъ въ первой его комнатѣ обильное количество маленькихъ бутылочекъ съ водкой, коньякомъ и различными наливками, а на стѣнѣ — патентъ, разрѣшающій распивочную торговлю. Оказывается, что извозчики, перевозящіе товары на Якшинскую пристань съ Усть-Еловской и прочіе проѣзжіе должны запасаться пищей для себя и своихъ лошадей на путь туда и обратно... Зимой населеніе увеличивается тремя прикащиками купцовъ Алина, Черныхъ и Сокотова изъ Чердыни, для которыхъ выстроены хорошіе домики.

Для нуждъ своихъ населеніе Якшинской пристани имѣетъ одну лошадь и 8 коровъ; для общественной молитвы имѣютъ выстроенную очень давно часовню во имя Святителя Николая Чудотворца, но служба въ ней происходитъ болѣе чѣмъ рѣдко: за послѣдніе 20 лѣтъ священникъ пріѣзжалъ всего лишь 3 раза и то лишь по вызову, для крещенія вновь рожденныхъ младенцевъ. Если это сообщеніе мнѣ мѣстныхъ жителей дѣйствительно вѣрно,

то приходится пожалѣть ихъ, принужденныхъ оставаться безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ. Неподалеку отъ часовни находится и кладбище, на которомъ похоронено встарину лишь нѣсколько караульщиковъ и цѣловальниковъ. Оно представляетъ изъ себя незначительное возвышеніе, на которомъ имѣются двѣ-три заброшенныхъ могилы, о которыхъ свидѣтельствуютъ полуразрушенныя деревянные покрывки въ видѣ полугроба безъ крестовъ...

VI.

Щугорская пристань А. М. Сибирякова.—Ея торговые обороты за 18 6 годъ.—Стоимость провоза товаровъ изъ Сибири на Печору.—Ръка Щугоръ.

16 іюня пароходъ нашъ остановился у пристани А. М. Сибирякова, находящейся на правомъ берегу Печоры у устья притока ея, Щугора, противъ котораго на лѣвомъ берегу Печоры лежитъ село Усть-Щугоръ. Пристань Сибирякова есть конечный на Печорѣ пунктъ проектированной и начатой имъ Сибирской дороги, о которой я говорилъ въ IV главѣ настоящихъ замѣтокъ. На пристани этой построены амбаръ длиною 20 и шириною 5 сажень для склада привозимыхъ пока еще только зимою изъ Сибири товаровъ и домъ, въ которомъ живетъ прикащикъ г. Сибирякова. Кромѣ этихъ строеній на пристани поставлены еще помѣщенія для рабочихъ, строящихъ эту дорогу. Во время нашего посѣщенія Щугорской пристани ихъ работало человекъ до 40; со стороны же Ляпина, по словамъ прикащика, работаетъ до 70 человекъ; большинство рабочихъ окрестные Вологодскіе крестьяне и среди ихъ лишь только 10 человекъ изъ Архангельской губерніи. Первоначально, какъ уже мною сказано выше, направленіе дороги этой было взято на дер. Оранецъ Архангельской губерніи; тамъ были выстроены амбары

и домъ для приказчика; зимою 1886 года было доставлено туда изъ Сибири до 40000 пудовъ груза, а затѣмъ уже Оранецкая пристань была уничтожена, строенія перенесены въ Щугорскую.

Эти 40 тысячъ пудовъ груза, о которомъ я только что упомянулъ, главнымъ образомъ, состояли изъ хлѣба (30 тыс. пудовъ), кожи, сала и до 2500 пудовъ каменной сибирской соли. Кромѣ этихъ грузовъ изъ-за границы было доставлено на пароходѣ г. Сибирякова „Норденшильдѣ“ и затѣмъ перевезено въ Оранецъ до 10000 пудовъ заграничной соли проданной на Печорѣ по той цѣнѣ, какъ продавалась соль сибирская и усольская, доставленная чердынцами, т. е. по 40 коп. за пудъ. Вмѣстѣ съ заграничной солью доставлено лѣтомъ на томъ же „Норденшильдѣ“ и отправлено чрезъ Оранецъ зимою въ Сибирь до 2000 пудовъ деревяннаго масла и керосину, 1000 пудовъ тертыхъ красокъ, 120 пудовъ прессованнаго табаку, 1000 пудовъ рису; въ Сибирь же увезено также до 60 пудовъ печорской семги, 300 пудовъ оленьей шерсти и столько-же Усть-Цилемскаго точильнаго камня.

Уже эти цифры краснорѣчиво указываютъ на возможность весьма обширныхъ торговыхъ оборотовъ между Сибирью и Печорскимъ краемъ и дѣйствительно обороты эти расширяются: въ нынѣшнемъ году на новую Щугорскую пристань доставлено уже гораздо болѣе значительное количество товаровъ и притомъ болѣе

разнообразныхъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что съ проведенiемъ постоянной лѣтней дороги отъ села Ляпина на Печору регулярный подвозъ товаровъ поставитъ эту важную торговлю на прочную почву. Провозъ товаровъ отъ г. Тобольска до села Куи на Печорѣ въ настоящее время обходится по 40 коп. съ пуда, а именно: отъ Тобольска до Ляпина 15 коп., отъ Ляпина до Шугора зимой 20 коп. и отъ Шугора до Куи лѣтомъ на буксирѣ пароходовъ 5 коп. При зимней перевозкѣ гужемъ товаровъ отъ Ляпина до Шугора громадное препятствiе представляетъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ, какъ саней, такъ особенно лошадей и оленей; въ нынѣшнемъ году по этой причинѣ осталось неперевазаннымъ къ веснѣ на „Патокской пристани“ на рѣкѣ Шугорѣ, вблизи Уральскаго хребта, до 20000 пудовъ груза, изъ которыхъ 12 тыс. пудовъ, уже по вскрытiи рѣкѣ, были кое-какъ сплавлены по теченiю Шугора, а за остальными во время нашего посѣщенiя Сибиряковской пристани былъ отправленъ пароходъ крест. Черныхъ „Александръ“, которому съ громадными трудностями и большимъ рискомъ еле-еле удалось доставить по этой несудоходной для пароходовъ рѣкѣ товаръ на Печору.

Рѣка Шугоръ, у устья которой основана Сибиряковская пристань, замѣчательна красотой своихъ береговъ, прозрачностью воды и быстротою теченiя—качествами присущими горной рѣкѣ: Шугоръ вытекаетъ изъ Ураль-

скихъ горъ и на пути своемъ прорѣзаетъ хребетъ Иджеди Парму. Войдя въ устье этой рѣки, мы плыли сначала между низменныхъ береговъ, состоящихъ изъ наносныхъ песковъ, покрытыхъ то группами березъ, то кустами ивняка. Мало по малу берега возвышались, березы смѣнились соснами, елями и лиственницей; среди песчаной равнины начали попадаться громадные отдѣльные камни, которые постепенно перешли въ нависшіе надъ водою гигантскіе утесы; теченіе рѣки становилось быстрѣе и быстрѣе. Два острова—Токаръ-юль и Токаръ-ди, встрѣченные нами на пути, обладаютъ тоже горнымъ характеромъ и покрыты густой зеленой, можно сказать, дѣвственной растительностью: ихъ рѣдко когда тревожитъ человѣческое присутствіе. Наконецъ мы достигли самаго красивѣйшаго пункта на Шугоръ—мѣстности, по зырянски называемой „Ульдоръ-Кырта“, что по русски означаетъ „железные ворота“. Предъ этими железными воротами рѣка расширяется почти на версту, отъ чего теченіе ея становится изъ весьма быстрого медленнымъ; образуется какъ-бы обширное озеро, замыкаемое впереди двумя высокими горами, обросшими на вершинахъ густымъ темнымъ лѣсомъ. Для прохода рѣки горы эти какъ-бы раздвигаются и образуютъ ворота, 80 сажень ширины, въ которыя съ шумомъ врывается рѣка, шипя, пѣнясь и страшно волнуясь: быстрота теченія въ воротахъ необычайно велика. Ворота эти—железные ворота, Ульдоръ-

Кырта — представляютъ высокія каменные стѣны, 40 саж. вышины, состоящія изъ известняка свѣтлосѣраго цвѣта, изборожденнаго глубокими вертикальными разсѣлинами, трещинами и рытвинами, въ глубинѣ которыхъ виднѣются зеленныя полосы, растущаго тамъ дерна и кустарниковъ. Пройдя сажень 30 вдоль этихъ каменныхъ стѣнъ, вы снова выходите на просторъ освобожденной отъ оковъ рѣки, волненіе которой опять переходитъ въ гладь, а рокоть, шумъ и быстрота смѣняются спокойнымъ теченіемъ.... Трудно вообразить этотъ дикій, но величественный видъ сѣверной природы.

Далѣе вверхъ по рѣкѣ идутъ не менѣе величественныя ворота — Шеръ-Кырта, средняя скала, — точно также стѣсняющія рѣку съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами, далеко выдающимися въ ея русло. Далѣе встрѣчаются третьи каменные ворота — Вельдоръ-Кырта; еще выше по теченію Щугора на берегу его возвышается высокая гора Тылпосъ-изъ (камень, гнѣздо вѣтра); про что у зырянъ существуетъ повѣрье, по которому на ней находится постоянное обиталище вѣтра, почему мзлѣйшій, будто бы, звукъ голоса или стукъ, произведенный на этой горѣ, вызываетъ страшную бурю въ ея окрестностяхъ; еще выше по Щугору имѣются пещеры съ вѣчнымъ, летающимъ льдомъ. Но мы не могли доѣхать и осмотрѣть всѣ эти чудеса природы: пароходъ, дойдя до Шеръ-Кырта (среднихъ воротъ), не

могъ справиться съ быстротою и силою теченія рѣки, противъ котораго мы плыли, и принужденъ былъ повернуться назадъ.... Прозрачность воды Щугора поразительна: на глубинѣ двухъ сажень, ясно и отчетливо видны мелкіе камешки, даже зерна гравія, устилающія дно рѣки; по впаденіи Щугора въ Печору вода его не смѣшивается съ Печорскою водою, но рѣзко отличается отъ нея на протяженіи многихъ верстъ ниже устья этого горнаго притока Печоры, такъ что взору наблюдателя послѣдняя рѣка представляется въ видѣ двухъ параллельно и слитно текущихъ лентъ воды, — свѣтлой, прозрачной ленты у праваго берега и болѣе мутной, сѣровой, у лѣваго.

VII.

Брусяныя горы Соплясъ и Воя.—Исторія ихъ разработки.—Достоинство точильнаго камня.—Цифровыя данныя.—Способъ производства работъ.—Жизнь рабочихъ.—Печорскія тельги.—Посѣщеніе горы Вои.

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже устья Щугора съ лѣвой стороны впадаютъ въ Печору двѣ рѣчки—Сопляса и Воя, по теченію которыхъ лежатъ двѣ горы, одноименныхъ съ ними, доставляющія знаменитый брусяной камень, изъ котораго выдѣлываются точила и бруски для точенія косъ и ножей. Добываніе и обработка точильнаго камня издавна составляетъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ жизни для крестьянъ пяти ближайшихъ волостей Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губернии. Право ломки этого камня предоставлено имъ еще въ 1638 году особою грамотою Царя Михаила Ѳеодоровича; въ послѣдствіе права эти при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ были подтверждены и расширены; въ 1745 году воспрещено было ходить на эти горы за промыслами всѣмъ волостямъ, лежащимъ по низовью Вычегды, а также и обывателямъ Чердынскаго края. Брусяныя горы Соплясъ и Вою уже съ незапамятныхъ временъ арендовали у крестьянъ чердынцы, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились Усть-сысольскіе купцы братья Сухановы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ настояща-

го столѣтія крестьяне сами разрабатывали брусяной камень и сами же продавали его, при чемъ немилосердно эксплуатировались чердынцами. Наконецъ съ 1840 года горы эти, по распоряженію Палаты Государственныхъ Имуществъ, отдаются частнымъ лицамъ на аренду, въ пользу крестьянъ, съ тѣмъ условіемъ кромѣ того, чтобы арендаторъ въ качествѣ рабочихъ избиралъ исключительно крестьянъ тѣхъ волостей, которыя имѣютъ права на эти каменоломни. Съ этого времени держали ихъ на арендѣ Латкинъ, Нелюдовъ, Иконниковъ, а въ настоящее время онѣ арендуются Екатеринбургскимъ городскимъ головою Симоновымъ.

Точильный камень горъ Вои и Сопляса отличается равномернымъ сѣрымъ цвѣтомъ, своею мягкостью и громаднымъ размѣромъ отдѣльныхъ кусковъ, отыскиваемыхъ въ горѣ, почти сплошь состоящей изъ этого камня. Поэтому выдѣлка громадныхъ точилъ производится легко и удобно; самая же точила, благодаря ихъ большому размѣру и однородности состава точильнаго камня, высоко цѣнятся по своимъ достоинствамъ.

Разработка брусянаго камня совершается ежегодно лѣтомъ, съ 15 мая по 1 сентября. Въ теченіе этого времени выдѣливается до 40 тысячъ большихъ круглыхъ точилъ и до 320—330 тысячъ брусьевъ въ видѣ прямыхъ брусковъ и брусковъ узкихъ съ одного и болѣе ширскихъ съ другаго конца, называемыхъ „лопаточками“; ими точатъ косы-горбуши. Ра-

бочій за лѣто можетъ выдѣлать 150—200 пудовъ точиль и брусковъ. Въ вознагражденіе за трудъ рабочіе получаютъ по 30 коп. съ пуда на мѣстѣ; съ доставкою же на Якшинскую пристань по 50 коп.; въ Чердыни цѣна на точила доходитъ до 1 р. 30 к. за пудъ. Число рабочихъ въ нынѣшнемъ году доходило на горѣ Соплясѣ до 200 и на горѣ Воѣ до 600 человекъ. Изъ этихъ цифръ видно, какой громадный заработокъ доставляютъ эти горы крестьянамъ, не считая арендной платы, ими получаемой; разверстывая ее на каждую душу въ этихъ пяти волостяхъ, мы увидимъ, что каждый крестьянинъ получаетъ до 4 р. 40 к. ежегодно за отдачу этой горы въ арендное содержаніе. Къ сожалѣнію большая часть заработка, получаемого ими за трудъ, прогуливается и пропивается ими еще лѣтомъ во время работы...

Добываніе и обработка брусянаго камня совершается слѣдующимъ образомъ. Прежде всего отыскивается годный камень, т. е. большой, однородный, безъ трещинъ кусокъ горы; работа отысканія камня очень трудна, такъ какъ вся гора покрыта слоемъ почвы, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разработка камня уже начата, завалена грудями его обломковъ. Найдя подходящее мѣсто, очистивъ его отъ обломковъ и слоя земли, отрываютъ порохомъ глыбу горы, для чего закладываютъ пороховую мину. Мина эта дѣлается черезъ-чуръ примитивнымъ способомъ. Камень не просверливается свер-

ломъ, а просто по пемногу пробивается короткимъ желѣзнымъ ломомъ, по которому ударяють молоткомъ. Понятно какъ много времени и труда отнимаетъ непродизводительно такой способъ сверленія камня. Пробивъ углубленіе около $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина въ камень, туда закладываютъ пороховой патронъ, устраиваемый изъ куска стараго ружейнаго дула, начиненнаго порохомъ; къ этому пороху прикладываютъ фитиль и въ такомъ видѣ вкладываютъ въ углубленіе. Рабочіе удаляются на незначительное разстояніе для безопасности, а одинъ изъ нихъ остается, поджигаетъ фитиль и послѣшшо убѣгаетъ, что не такъ легко сдѣлать, потому что ему приходится часто взрывать глыбу горы свободно висящую надъ землею; тогда онъ карабкается съ нея по обломкамъ, осколкамъ камней, выступамъ горы, ямамъ и углубленіямъ, и не всегда удается ему благополучно избѣжать опасности: бывають случаи ушибовъ и даже смерти при этихъ взрывахъ. Взорванный кусокъ отваливается отъ горы или же только растрескивается; тогда на помощь пороху являються ломы и топорики, камень отбивается отъ остальной массы; его раздѣляютъ на большіе куски, изъ которыхъ дѣлаются точила въ видѣ мельничныхъ жернововъ, остатки же и мелкіе куски идутъ на выдѣлку брусевъ. Какъ тѣ, такъ и другіе работаются при помощи только топорика—орудія каменщика. Грубо обработанные бруски поступаютъ

къ шлифовальщикамъ, которые шлифуютъ ихъ на большихъ камняхъ, въ родѣ булыжника, называемыхъ по зырянски „линязъ“ (зубъ-камень). Шлифовка производится просто треніемъ бруска о камень, смоченный водою; занимаются ею преимущественно женщины и дѣти. Трудъ рабочихъ ежедневно продолжается съ 3 часовъ утра до 8 вечера, при чемъ имъ дается отдыхъ только въ теченіи часа для обѣда.

Разработка точильнаго камня и выдѣлка изъ него брусевъ и точиль—трудъ весьма тяжелый, особенно если принять во вниманіе, что рабочіе принуждены оставаться ежедневно подъ открытымъ небомъ въ теченіи 18 часовъ, перенося всякія непогоды, особенно жару и нападенія безчисленнаго множества свирѣпыхъ комаровъ. Во все время рабочаго періода они живутъ у подножія брусяныхъ горъ, гдѣ выстроены у нихъ въ страшномъ безпорядкѣ и тѣснотѣ небольшія бревенчатыя хижины съ плоскими крышами. Въ каждой такой хижинѣ, занимающей пространства не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 квадратныхъ сажень, живутъ по нѣсколько рабочихъ, нерѣдко цѣлыми семьями, съ женами и дѣтьми, по 4—6 человекъ вмѣстѣ. Какой воздухъ, какая нечистота и какъ вредно все это отзывается на рабочихъ понятно само собою. Пищу варятъ себѣ на открытомъ воздухѣ надъ костромъ, для чего предъ каждой хижиной устроено особое, простое, но остроумное приспособленіе: на двухъ перпендикулярно

вбитыхъ въ землю столбикахъ положены горизонтально два поперечныхъ бруска, такъ что между ними остается небольшая щель; въ эту щель пропущена длинная, въ вершокъ ширины дощечка, продырявленная по всей своей длинѣ отверстіями; колышкомъ, воткнутымъ въ одно изъ нихъ надъ горизонтальными брусками, она удерживается на любой высотѣ надъ костромъ: на прикрѣпленный къ нижнему ея концу крючекъ привѣшивается котелокъ. Такимъ образомъ послѣдній можетъ быть во время варки приподнять и опущенъ на желаемую высоту вмѣстѣ съ дощечкой. Такія приспособленія для приготовленія пищи я встрѣчалъ въ деревняхъ и далѣе внизъ по Печорѣ.

Благодаря антигигіеническимъ условіямъ жизни и тяжелой работѣ, всѣ рабочіе выглядятъ весьма истощенными съ сѣрватожелтымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; по словамъ ихъ, среди ихъ часто встрѣчаются заболѣванія, но медицинской помощи они совершенно не получаютъ; даже такіе серіозныя больные, какъ съ переломами костей, случающимися нерѣдко вслѣдствіе самаго характера работы, остаются безъ всякой помощи....

Обработанный въ точила и бруски камень перевозится съ горъ до Печоры на лошадахъ въ телѣгахъ или, если позволяетъ высота воды рѣчекъ Сопляса и Вои, на лодкахъ. Замѣчательны по своей конструкціи эти телѣги. Колеса представляютъ сплошныя деревянные круги до $1\frac{1}{2}$ аршинъ въ діаметрѣ и болѣе чет-

верти аршина толщиною; они прикрѣплены неподвижно, наглухо къ оси—грубо обтесанному *бревну* средней толщины; такимъ образомъ колеса не двигаются на оси, какъ обыкновенно, а напротивъ сама ось вертится вмѣстѣ съ колесами. Страшная тяжесть осей и колесъ вовсе не требуется необходимостью, или особою тяжестью груза, а зависитъ отъ того, что мѣстные крестьяне не имѣютъ и не хотятъ имѣть понятія о телѣгахъ правильнаго устройства; на Печорѣ настоящихъ телѣгъ не дѣлаютъ, купить на мѣстѣ ни ихъ, ни колесъ, негдѣ, а привозить не хотятъ: „такъ возили дѣды наши, говорятъ они, такъ слѣдуетъ и намъ возить“. Такія чуть ли не доисторическія телѣги мнѣ неоднократно встрѣчались въ Печорскомъ краѣ, хотя въ большинствѣ случаевъ лѣтомъ при полевыхъ работахъ употребляются сани: на роспускахъ возятъ съ луговъ сѣно и съ полей хлѣбъ.

Изъ двухъ брусянныхъ горъ мы осмотрѣли гору Вою, избравъ ее потому, что на ней производились работы въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ на Соплясѣ. Сойдя на берегъ у деревни, гдѣ живетъ прикащикъ г. Симонова, завѣдующій работами на точильныхъ горахъ, мы прошли пѣшкомъ верстѣ пять до горы Вой лѣсомъ, по дорогѣ, пролегающей болотистой мѣстностью и устланной жердями; по сторонамъ дороги шла шпалерой роскошная растительность: масса цвѣтовъ во время ихъ полного цвѣтенія, большіе кусты шиповника и круп-

ныхъ незабудокъ служили прелестной рамкой этой дороги. При приближеніи къ горѣ, изда- лека слышится глухой шумъ и гулъ, становя- щійся все громче и рѣзче: это звуки сотенъ топориковъ, ударяющихся о камень, разбиваю- щихъ и обращающихъ его въ правильные бруски и точила; это говоръ сотенъ оживлен- ныхъ рабочихъ. Дойдя до конца дороги, я былъ пораженъ неожиданно представшимъ пре- до мною видомъ: повернувъ направо, дорога сразу оканчивается обрывомъ, и за нимъ сразу открывается вся картина брусяной го- ры во время ея разработки. Подъ обрывомъ протекаетъ по каменному ложу мелкая, но бы- страя рѣчка Воя, дробясь о торчащія изъ во- ды камни, расплываясь мѣстами отъ берега до берега, мѣстами стѣсняясь въ узенькій руче- екъ. съ тихимъ, пріятнымъ журчаніемъ раз- бивающійся между грудъ набросанныхъ ка- меньевъ и осколковъ. За рѣчкой на противо- положномъ берегу возвышается крутая обры- вистая длинная гора—гора Воя—вся усѣян- ная рабочими, которые издали кажутся копо- шащимися въ ней муравьями, едва различаемы среди сѣрыхъ грудъ и обломковъ камня, покрывающихъ гору. Плоская вершина на всемъ протяженіи покрыта зеленою раститель- тельностью. Перейдя рѣчку отчасти въ бродъ, отчасти по камешкамъ и положеннымъ на нихъ бревнамъ, и поднявшись въ гору, я достигъ этого рабочаго муравейника, гдѣ могъ вблизи видѣть подробности производства работъ.

Сдѣланный по желанію Г. Начальника губерніи Князя Н. Д. Голицына взрывъ глыбы камня далеко не былъ такъ эффектенъ, какъ можно было ожидать: слабый звукъ и небольшая трещина аршина въ три длиною въ скалъ были его результатомъ; впрочемъ рабочіе сами причисляли этотъ взрывъ къ неособенно удачнымъ. Осматривая работы, необходимо было проходить по грудамъ мелкихъ и острыхъ осколковъ камня, оставшихся отъ обработки его, спускаться въ глубокія ямы между этими грудами и вновь подниматься на болѣе высокія. Острый рѣжущій камень, уходящій изъ подъ ногъ и скатывающійся внизъ при каждомъ шагѣ, служитъ плохую опорю для ноги; мириады комаровъ беспощадно нападающихъ на все живое, ѣдкая пыль отъ разбиваемаго камня, пѣшеходное путешествіе на гору и обратно—все это составляетъ не малый трудъ для любознательнаго путешественника, награждаемаго за то не только интересомъ самихъ работъ, но и тѣмъ роскошнымъ видомъ, который открывается съ горы на дикія каменные гряды Уральскихъ горъ и хребта Сабли, ясно и отчетливо выдѣляющихся въ далекой синевѣ воздуха, съ причудливо перемѣшанными между собою пиками, тянущимися длинными зубчатыми рядами на горизонтъ, съ бороздами бѣлыхъ полосъ покоющагося на нихъ снѣга, на которомъ играютъ золотистые переделы солнечныхъ лучей.

IX.

Деревня Оранецъ.—Зыряне Архангельской губерніи.—Наружность ихъ, нравственные свойства.—Зырянскія постройки; бани.—Выносливость зырянъ.

19 іюня вступили мы въ предѣлы Архангельской губерніи и въ тотъ же день прибыли въ дер. Оранецъ, лежащую на правомъ берегу р. Печоры. Небольшое селеніе это имѣетъ всего 26 дворовъ, вмѣщающихъ въ себѣ до 100 человѣкъ населенія, населенія исключительно зырянскаго. До сихъ поръ я не сказалъ ни слова объ этой народности, хотя мы и проѣзжали по главной части зырянскаго края — сѣверо-восточному углу Вологодской губерніи; причина этого заключается въ томъ, что я не имѣлъ достаточнаго времени, чтобы ознакомиться съ Вологодскими зырянами на пути къ Архангельской губерніи при случайныхъ остановкахъ по дорогѣ, которыя бывали или по необходимости, напр. для запаса дровъ, или вслѣдствіе того, что та или другая мѣстность играетъ извѣстную роль въ экономическомъ положеніи, торговлѣ съ Печорскимъ Архангельскимъ краемъ и т. п., однимъ словомъ такъ или иначе находится въ связи съ нимъ. Въ то время какъ о зырянахъ Вологодской губерніи существуетъ такъ много сообщеній и изслѣдованій, о зырянахъ Архангельскихъ нѣтъ почти никакихъ данныхъ не только въ популярной, но даже и въ научной литературѣ. Въ

виду всего этого считаю не лишеннымъ интереса подѣлиться съ читателями тѣми краткими и отрывочными свѣдѣніями о зырянахъ, которыя мнѣ удалось приобрести въ Печорскомъ краѣ.

Зыряне принадлежатъ къ семьѣ финскихъ народовъ, вышедшихъ въ древности изъ Азіи и занимавшихъ подъ разными названіями почти цѣлую сѣверную половину Европейской Россіи. Въ настоящее время всѣхъ зырянъ числится до 95.000 душъ обоюго пола, въ томъ числѣ живущихъ въ Мезенскомъ уѣздѣ до 8.000 чел. Архангельскіе зыряне по наружности въ общемъ не отличаются какими-нибудь особыми рѣзкими признаками отъ наружности русскаго крестьянина; большинство изъ нихъ блондины, средняго роста, крѣпкаго, коренастаго тѣлосложенія; женщины, повидимому, обладаютъ нѣсколько большимъ ростомъ сравнительно съ женщинами русскихъ деревень. Одежда зырянъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго сѣвернаго одѣянія: тѣ же малицы и совики, тѣ же рубахи, сапоги и комарники, то же отсутствіе шапокъ въ лѣтнее время. Какъ на особенность, можно указать на страсть зырянокъ къ яркимъ цвѣтамъ одежды: красный, желтый, синій и зеленый цвѣта, въ самыхъ рѣзкихъ оттѣнкахъ и крайнихъ контрастахъ, составляютъ ихъ любимыя сочетанія цвѣтовъ. Укажу также на головную повязку деревенскихъ дѣвушекъ, которая, впрочемъ, встрѣчается повсемѣстно и у русскихъ въ Пе-

чорскомъ краѣ: одинъ цвѣтной платокъ (чишь-янь) складывается въ видѣ узкой ($1\frac{1}{2}$ вершка ширины) полосы, которою обвязывается голова вокругъ верхней части лба, концы же платка завязываются сзади у затылка; такимъ образомъ повязка эта образуетъ родъ вѣнка; сверху ея повязывается обыкновеннымъ образомъ, узломъ сзади, другой цвѣтной платокъ, — который, впрочемъ, на работахъ и въ жаркое время дня снимается съ головы, и дѣвушка остается лишь въ вѣнкообразной повязкѣ.

Пробывъ весьма короткое время въ зырянскомъ краѣ, я не могу сказать многого объ ихъ нравственныхъ свойствахъ, но и поверхностному наблюдателю бросаются въ глаза отличительныя качества зырянъ — гостепріимство и честность. Рѣдко кто изъ нихъ рѣшится взять плату съ проезжаго за хлѣбъ-соль, или за ночлегъ; напротивъ, нужно видѣть съ какимъ удовольствіемъ принимаютъ они путника, съ какою радостью они видятъ, что онъ не отказывается отъ ихъ угощенія, чтобы судить, что дѣйствительно хлѣбосоольство ихъ безкорыстно. Мнѣ рассказывали мѣстные жители, что гостепріимство среди зырянъ развито до того, что проезжіе, нисколько незнакомые съ хозяиномъ, заходятъ свободно въ его избу даже во время его отсутствія и не только отдыхаютъ и обогрѣваются въ ней, но даже пользуются пищею, которую предусмотрительно-гостепріимный хозяинъ оставляетъ на случай прохода или проезда путника на видномъ мѣс-

тѣ въ своей избѣ. Доказательствомъ честности зырянъ служитъ отсутствіе замковъ и въ настоящее время: всѣ помѣщенія, даже амбары съ имуществомъ и хлѣбомъ запираются простымъ деревяннымъ засовомъ. Впрочемъ это относится къ селеніямъ небольшимъ, въ населенныхъ же густо селахъ, напр. въ Ижмѣ, даже и замки не оберегаютъ владѣльца отъ покражъ. Косвеннымъ доказательствомъ честности зырянъ служитъ отсутствіе въ ихъ языкѣ кореннаго собственнаго слова, означающаго понятіе „воровство“. По ижемскому нарѣчію воръ обозначается словомъ „гусьясьись“, которое производится отъ русскаго же слова „гусь“ (подобно выраженію „вотъ такъ гусь!“). По причинѣ честности зырянъ всѣ денежные и торговыя сдѣлки заключаются съ ними на честное слово, безъ всякихъ документовъ; достаточно зырянину сказать: „вотъ тебѣ веськъдъ къ“, — даю тебѣ честное слово — чтобы всякій, знающій этотъ народъ, безусловно ему повѣрилъ.

Въ религіозномъ отношеніи весьма многіе изъ зырянъ Архангельской губерніи коснѣютъ въ расколѣ. Причиной этого служитъ какъ разбросанность и малонаселенность ихъ селеній, такъ и отдаленность ихъ отъ приходскихъ церквей. Съ другой стороны ихъ назначительная умственная развитость, плохое знаніе русскаго языка (женщины вовсе не говорятъ по русски) и тотъ просторъ, который доставляется пропагандѣ отдаленностью Печорскаго края, служащаго издавна убѣжищемъ для бѣглыхъ

изъ внутренней Россіи раскольниковъ, — в се это служить и еще долго будетъ служить причиною распространенія раскола у зырянъ, которому они слѣдуютъ безъ всякаго сознанія, слѣпо придерживаясь только словамъ и ученіямъ стариковъ-начетчиковъ и исполняя обряды и обычаи, не входя во внутренній ихъ смыслъ и не будучи въ состояніи отличить истину отъ лжи.

Зырянскія избы, или „керки“, строятся обыкновенно на двѣ половины, сообщающіяся между собою входными сѣнями, въ которыя ведетъ пристроенное съ лицевой стороны крыльцо; такъ какъ эти избы въ большинствѣ случаевъ устраиваются такимъ образомъ, что полъ и окна находятся высоко отъ земли, то крыльцо это дѣлается на столбахъ и къ нему придѣляется сбоку лѣсенка въ нѣсколько ступенекъ. Крыльцо или покрывается крышей, тоже на столбахъ, или же остается открытымъ. Лѣвая половина избы черная — въ ней живутъ хозяева лѣтомъ и зимою, въ ней приготавливаютъ пищу, въ ней берегутъ своихъ домашнихъ животныхъ; воздухъ въ ней всегда спертый, удушливо-жаркій. Правая половина избы чистая, такъ сказать, парадная: въ ней не живутъ, но принимаютъ гостей; вмѣсто лавокъ въ ней встрѣтите иногда и стулья; вмѣсто бѣлыхъ столовъ (пызанъ) — столы крашенные, глиняная русская печь (паць) съ лежанкой замѣняется нѣрѣдко голландской печью. Понятно, что такое дѣленіе избы на двѣ половины встрѣчается

въ общемъ, или точнѣе, въ господствующемъ типѣ зырянскихъ построекъ и что существуютъ отъ него отступленія. Заднюю часть избы составляетъ повѣть, въ которой держатъ домашній скотъ; на этой же повѣти хранятся сани, лишнее платье и имущество, посуда и проч.; ходъ, или, вѣрнѣе, въѣздъ на повѣть устроенъ изъ бревенчатой настилки, расположенной наклонно отъ земли вверхъ до широкихъ воротъ повѣти. Общее впечатлѣніе, выносимое изъ осмотра зырянскихъ „керокъ“, даетъ основаніе заключать о неряшливостѣ ихъ содержанія: грязь, покрывающая полъ и стѣны, обиліе таракановъ, копотъ на потолкѣ и проч. — все это указываетъ на то, что зырянинъ не любитъ поддерживать чистоту въ своемъ жилищѣ и не заботится о ней.

Амбары, погреба и бани строятся отдѣльно отъ избы, при чемъ послѣднія устраиваются ближе къ берегу рѣки и не отличаются обширностью помѣщенія: площадь въ двѣ квадратныя сажени составляетъ средній размѣръ зырянской бани; по стѣнамъ внутри ея размѣщены скамьи и полокъ, который отличается тою особенностью, что устраивается не высоко надъ поломъ, какъ въ русскихъ баняхъ, а на одномъ уровнѣ съ лавками; въ одномъ изъ угловъ расположена каменка. На эту до красна раскаленную каменку поливаютъ холодную воду (горячей воды въ банѣ не заготавливаютъ) и въ образовавшейся атмосферѣ пара, чада и угара парятся вѣниками, но не моются.

Попариться въ банѣ (шывсыны)—любимое удовольствіе зырянъ: въ баню они ходятъ по нѣсколько разъ въ недѣлю. Есть среди ихъ такіе любители, что могутъ пробыть въ этой невыносимой жарѣ и чаду до 20 минутъ и ихъ выводятъ оттуда даже силой. Лѣтомъ прямо изъ бани большинство идетъ выкупаться въ рѣкѣ. Нужно удивляться выносливости и крѣпости зырянской природы: на нихъ не дѣйствуютъ страшные зимніе холода, долговременное пребываніе подъ дождемъ, вѣтромъ или снѣгомъ и вообще непогода; на нихъ не дѣйствуетъ даже ночлегъ во время крутаго мороза въ глуши лѣсовъ, наконецъ тотъ тяжелый трудъ и борьба съ природой, которую зырянину приходится вести чуть ли не ежедневно,—все это даетъ основаніе полагать, что физическая крѣпость зырянскаго народа уже испоконъ вѣка закалена въ борьбѣ за существованіе и что все, кажущееся постороннему наблюдателю неестественнымъ или непреодолимымъ, въ жизни этого мало цивилизованнаго, но рабочаго народа, для него самого представляется простымъ и естественнымъ.

IX.

*Село Усть-Кожва.— Охотничій и рыбный промыслы.
—Рѣка Уса.—Село Усть-Колва.—Осѣдлые само-
вды.—Рѣка Уса до притока ея Сыныи.*

Первая волость въ Печорскомъ краѣ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи, при въѣздѣ въ него по р. Печорѣ изъ Вологодской губерніи, — волость Усть-Кожвинская; къ ней принадлежитъ и дер. Оранецъ, о которой я упоминалъ въ началѣ предшествовавшей главы. Изъ прочихъ селеній этой волости я коснулся лишь селѣ Усть-Кожвы, въ которомъ находится волостное правленіе, и Усть-Колвы, населеннаго осѣдлыми самоѣдами.

Село Усть-Кожвинское лежитъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Печоры, но не у самаго берега, а нѣсколько въ сторону, почему приходится идти къ нему отъ рѣки довольно порядочное разстояніе. Въ селѣ имѣется до 40 дворовъ; населеніе зырянское, живущее исключительно промыслами лѣсной охоты и рыбной ловли. Разговаривая съ крестьянами, я узналъ отъ нихъ, что лѣсная охота въ былыя времена составляла для нихъ главное средство къ жизни, но что теперь, за недостаткомъ дичи, промыселъ этотъ отошелъ на второй планъ, уступивъ свое мѣсто рыбной ловлѣ. Прежде, по ихъ словамъ, каждый охотникъ убивалъ среднимъ числомъ до 2000 куропатокъ въ годъ, теперь же всего лишь 100—150. От-

существо этой птицы крестьяне объясняют очень оригинально: они говорят, что куропатки при полетѣ не могутъ сопротивляться силѣ вѣтра и подчиняются его направленію; нѣсколько лѣтъ тому назадъ преобладалъ южный вѣтеръ и куропатки, подъ его вліяніемъ, подвигались все болѣе и болѣе къ сѣверу. пока, наконецъ, не были занесены въ Ледовитый океанъ, гдѣ и утонули или, какъ выразился толкователь: „куропти всѣ въ морѣ потопли“. Какъ бы то ни было, но уменьшилось не только количество куропатокъ, но исчезли совершенно и зайцы, составлявшіе прежде одну изъ прибыльныхъ статей охотничьяго промысла, такъ что теперь промышляютъ только бѣлокъ, рябчиковъ и тетеревей, при чемъ промыселъ считается удачнымъ, если охотникъ набьетъ за годъ до 150 бѣлокъ, до 100 рябчиковъ и до 200 тетеревей.

Рыбные промыслы ведутся у крестьянъ на артельныхъ началахъ; артель образуется въ большинствѣ случаевъ изъ односельчанъ или жителей сосѣднихъ селеній. Къ артели можетъ пристать полюбовно всякій желающій; всякій членъ этого товарищества имѣетъ одинаковыя права съ прочими участниками, и добыча лова дѣлится между всѣми поровну, по вѣсу. Солятъ уловленную рыбу въ большинствѣ случаевъ каждый отдѣльно уже послѣ дѣлежа, но иногда, особенно при большихъ уловахъ, солятъ всю рыбу и дѣлятъ ее уже соленою. По большей части артель образуется изъ 10

человѣкъ, имѣющихъ каждый по 5 концовъ сѣти, сажень по девяти длиною, образующихъ „неводъ“. Иногда артель дѣлится на двѣ части, работающія попеременно: одинъ день работаетъ одна часть, другой—другая; во время отдыха высушиваются и починаются рыболовные снасти. Такое дѣленіе по большей части бываетъ тогда, когда рыбу ловятъ поплавнями, и рѣдко, когда неводами, такъ какъ при неводѣ длиною отъ 200—450 саж. необходимо 6—9 рабочихъ, тогда какъ для полавни нужно всего лишь три человѣка: двое выметываютъ полавень, а одинъ служитъ гребцомъ. Неводами ловятъ главнымъ образомъ бѣлую рыбу (сиги, омуль, чирь и т. п.), а поплавнями—осенью семгу. Поплавни отличаются отъ неводовъ величиною ячей: въ полавнѣ ячей до двухъ вершковъ въ квадратъ, а въ неводѣ до одного съ четвертью. Всѣ сѣти приготовляются крестьянами собственной работы; необходимую для производства коноплю они покупаютъ у чердынцевъ, а въ послѣднее время и у Сибирякова. Весной нынѣшняго года цѣна коноплю доходила до 7 р. 75 к. за пудъ; изъ пуда же выходитъ пять концовъ невода, слѣдовательно полный неводъ въ 50 концовъ, не считая работы, обходится крестьянамъ до 60 рублей. Невольно приходится жалѣть, что Печорскіе крестьяне не знаютъ и не умѣютъ замѣнить не произрастающую по Печорѣ коноплю какимъ нибудь ея суррогатомъ, напр. крапивою, которая растетъ близъ ихъ селеній

въ изобиліи и отличается крупными размѣрами. Производство веревокъ изъ крапивы значительно уменьшило бы расходы по организациі рыбнаго промысла и сдѣлало бы тѣмъ самымъ промыселъ болѣе выгоднымъ. На мой совѣтъ крестьянамъ попробовать обрабатывать и употреблять въ дѣло крапиву я не получилъ отказа, а, напротивъ, крестьяне вспомнили, что вверхъ по р. Усѣ, притоку Печоры, въ Болабановѣ одинъ крестьянинъ Петръ Семеновъ уже обрабатываетъ для своихъ потребностей крапиву вмѣсто покупки конопли.

Рыбные промыслы крестьяне производятъ главнымъ образомъ по рѣкамъ Сыньѣ и Колвѣ, притокахъ р. Усы, и также въ самой Усѣ. Кромѣ рыбныхъ и охотничьихъ промысловъ крестьяне Усть-Кожвинской волости занимаются земледѣліемъ и выдѣлкою замши, оленьи кожи для которой они берутъ для обработки у Ижемскихъ оленеводовъ.

Село Усть-Уса расположено на правомъ берегу громаднаго притока Печоры, впадающаго въ нее съ правой стороны, — рѣки Усы, въ полутора верстахъ отъ мѣста ея впаденія въ Печору. Остановившись у этого селенія, осмотрѣвши его, мы тронулись далѣе вверхъ по р. Усѣ. Я не буду описывать села Усть-Усы, такъ какъ я не нашелъ въ немъ чего-либо особенно примѣчательнаго, а перейду къ величественному Печорскому притоку — рѣкѣ Усѣ. Ширина его при впаденіи превышаетъ ширину самой Печоры сажень на сто пятьдесятъ и

доставляетъ въ нее такую массу воды, что по приѣмѣ его въ себя Печора не только совершенно лишается всякихъ мелей и перекаатовъ, но приобрѣтаетъ и глубину нигдѣ не меньшую трехъ аршинъ. Вода рѣки Усы отличается крайнею мутностью, которая зависитъ отъ того, что эта громадная рѣка питается водами, приносимыми ей притоками ея, протекающими по сильно болотистой почвѣ. Замѣчательно, что у лѣваго берега вода въ Усѣ нѣсколько свѣтлѣе и чище; это зависитъ отъ того, что съ лѣвой стороны въ нее впадаютъ горные потоки и рѣчки съ свѣтлой снѣговой водою, въ серединѣ же рѣки вода до того мутна, что на глубинѣ четверти аршина нельзя ничего различить. Пройдя около 20 верстъ по рѣкѣ Усѣ и свернувъ въ ея притокъ—Колву, мы вскорѣ были въ селеніи Усть-Колвинскомъ, населенномъ осѣдлыми самоѣдами. Мнѣ чрезвычайно интересно было увидать этихъ осѣдлыхъ представителей дикаго кочующаго племени самоѣдовъ и опредѣлить то вліяніе, которое произвела на нихъ первая ступень цивилизаціи—осѣдлость.

Село Усть-Колва съ наружной стороны не отличается вообще отъ сѣверныхъ русскихъ поселеній: тотъ же сѣренкій видъ деревянныхъ, кое-какъ разбросанныхъ избъ, тѣ же амбары, хлѣва, бани. Населеніе, встрѣтившее Г. Начальника губерніи громадною толпою, было одѣто такъ же, какъ одѣваются все русскіе сѣверные крестьяне, отъ которыхъ оно отли-

чалось лишь болѣе низкимъ ростомъ и самоѣдскимъ типомъ лица: косое расположеніе глазъ, широкія скулы и приплюснутый носъ свидѣтельствовали, что это не русскіе, а самоѣды, хотя и говорили они чисто по русски. Общее впечатлѣніе, произведенное на меня осѣдлыми самоѣдами во время короткаго моего пребыванія среди ихъ, составилось диаметрально противоположнымъ тому, которое мнѣ приходилось выносить при посѣщеніи чумовъ небогатыхъ кочующихъ самоѣдовъ; у послѣднихъ внутри чума такая грязь и неряшество, что войти въ чумъ представляетъ не особенно пріятное удовольствіе; сами же самоѣды всегда неряшливо одѣты, ребятишки въ грязныхъ оборванныхъ малицахъ, не мыты повидимому чуть ли не съ самаго рожденія; при разговорѣ со взрослыми едва добьешься слова въ отвѣтъ, на лицѣ не встрѣтишь не только улыбки, но даже и какого-бы то ни было жизненнаго выраженія. Впрочемъ я долженъ оговориться, что, упомянувъ о видѣнныхъ мною кочующихъ самоѣдахъ, я говорю лишь о тѣхъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать живущими въ чумахъ временно при многихъ деревняхъ Печорская края; самоѣды эти не имѣютъ ни оленьихъ стадъ, ни опредѣленной работы. Быть можетъ кочующіе въ тундрахъ самоѣды, владѣльцы оленьихъ стадъ, представляютъ собою совершенно другое, чѣмъ соплеменники ихъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать по Печорѣ, я не знаю, но про осѣдлыхъ Усть-Колвинцевъ

могу сказать, что это народъ сообщительный, разговорчивый и веселый, внутренность помещеній ихъ отличается сравнительною чистотою и аккуратностью, а сами они зажиточностью. доказательствомъ чему можетъ служить то, что на 30 дворовъ, составляющихъ село, имѣется 30 лошадей и до 100 коровъ. Среди Усть-Колвинскихъ самоѣдовъ есть и владѣльцы оленьихъ стадъ; одинъ самоѣдъ Николай Ханиринъ обладаетъ даже стадомъ въ 2000 головъ оленей. Кромѣ оленеводства и скотоводства, осѣдлые самоѣды занимаются тѣми же промыслами, какъ и всѣ Печорскіе жители, главнымъ же образомъ рыболовствомъ. Самоѣдскій языкъ показался мнѣ довольно звучнымъ, какъ читатели могутъ судить изъ слѣдующихъ нѣсколькихъ самоѣдскихъ словъ, мною записанныхъ и касающихся оленей и ихъ упряжи: тэ (олень), хаптэ (быкъ олень), незмыдяль (олень-вожакъ), хану (сани), савъ (ремень), подерь (лямка), нямдъ (олений рогъ). тюрю (шесть, хорей), моциняль (вожжа), юняль (подпруга). Въ религіозномъ отношеніи осѣдлые самоѣды—всѣ православные, отличаются рвеніемъ ко храму, охотно посѣщаютъ и поддерживаютъ его.

Покинувъ село Усть-Колву, мы тронулись далѣе вверхъ по рѣкѣ Усѣ, дѣвственные волны которой разсѣкало въ первый разъ паровое судно. Пустынные берега Усы отличаются живописностью; глинистый высокій и обрывистый лѣвый берегъ величественно вывзываетъ

ся надъ менѣе величественною Усою и обрамленный зеленью густыхъ хвойныхъ лѣсовъ, растущихъ по его вершинѣ, представляетъ высокую гряду, нависающую надъ мутными, но богатыми рыбою и доставляющими пропитаніе не одной тысячѣ Печорцевъ, водами этого крупнаго сѣвернаго потока. Проплывъ около 40 верстъ по Усѣ, мы обогнули громадный островъ, за которымъ открылось широкое устье рѣки Сыньи, впадающей въ Усу и берущей начало свое съ хребта Сабли. Повернувъ здѣсь обратно и проплывъ около полутора часовъ, пароходъ нашъ снова вернулся въ лоно рѣки Печоры.

XI

Торговый центръ село Ижма.— Оленеводство ижемцевъ.— Тундры и права на нихъ самоодъ.— Завладѣніе ижемцевъ тундръ и оленными стадами.— Дома ижемскихъ крестьянъ.

Торговопромышленная и административная жизнь Печорскаго края сосредоточены главнымъ образомъ въ селахъ Ижмѣ и Устьцильмѣ. Два эти села составляютъ какъ бы столицы Припечорья: въ нихъ централизованы и всѣ интеллигентныя силы края, и главные торговые элементы; оба эти села конкурируютъ и борются за первенствующее значеніе въ Печорскомъ краѣ. До сихъ поръ первенство, въ смыслѣ богатства и развитія торгово-промышленной дѣятельности, остается за селомъ Ижмой, не смотря на невыгодное ея географическое положеніе сравнительно съ селомъ Устьцильмой.

Ижма удалена отъ рѣки Печоры—этой главной жизненной артеріи Печорскаго края—на сто верстъ: она находится при притокѣ Печоры—рѣкѣ Ижмѣ, не всегда проходимой для судовъ съ обыкновенной осадкой въ водѣ до 1 аршина; подобныя суда могутъ доходить до села Ижмы лишь въ полныя весеннюю и осеннюю воды; слѣдовательно мѣстоположеніе этого селенія не можетъ благопріятствовать развитію его торговой дѣятельности, и село Устьцильма, лежащее на самой Печорѣ, должно имѣть за собою преимущество. Между тѣмъ въ настоящее время село Ижма есть самый богатый

пунктъ изъ всѣхъ селеній Печорскаго края, а жители его ведутъ самую обширную торговлю среди всѣхъ Печорцевъ: они не ограничиваются только своимъ мѣстнымъ краемъ, но совершаютъ значительныя коммерческія сдѣлки и на Никольской ярмаркѣ въ Пинегѣ, и на Маргаритинской въ Архангельскѣ; нѣкоторые же изъ нихъ проникаютъ даже на Нижегородскую ярмарку, ведутъ дѣла съ Петербургомъ и Москвою. Очевидно, что столь развитая торговая дѣятельность, развитая вопреки той рамки, которую устроила сама природа по отношенію къ мѣстоположенію Ижемскаго селенія, должна зависть отъ причинъ искусственныхъ, отъ причинъ лежащихъ не въ нѣдрахъ естественныхъ богатствъ самаго селенія и мѣстности, его окружающей, а отъ изобрѣтенныхъ самими жителями этого села способовъ привлеченія въ свои руки капиталовъ; и дѣйствительно, вся сила ижемцевъ, все ихъ богатство заключается въ тѣхъ оленьихъ стадахъ, которыми они владѣютъ и которыми бродятъ, вдали отъ селенія по тундрамъ Мезенскаго уѣзда. Чтобы судить о томъ количествѣ оленей, которымъ владѣютъ ижемцы, достаточно принять во вниманію, что въ лѣто 1886 года во время свирѣпствовавшей въ тундрахъ сибирской язвы, пало только у семи владѣльцевъ, принадлежащихъ къ Ижемскому обществу, 13. 800 оленей и потеря эта, столь громадная, не послужила къ ихъ полному раззоренію. Очевидно, что количество оленей, которыми владѣютъ ижемцы, чрезвычай-

но громадно, и понятно, что стада эти доставляют имъ весьма значительное количество продуктовъ оленеводства, которые сбываются ижемцами частію въ сыромъ видѣ (мясо, шкуры), частію въ обработанномъ (замша, одежда изъ оленьяго мѣха и проч.).

Сосредоточивъ въ рукахъ своихъ капиталы, добытые отъ оленеводства, ижемцы могли постепенно расширять свою дѣятельность въ торговомъ отношеніи сперва на прочія Печорскія селенія, а затѣмъ и внѣ ихъ. Эксплуатируя народный трудъ Печорцевъ, они мало по малу достигли того, что теперь большая часть естественныхъ произведеній Печорскаго края проходитъ чрезъ ихъ руки, что весьма многие крестьяне находятся у нихъ въ крупныхъ долгахъ за данный имъ въ ссуду хлѣбъ или деньги въ годы неурожая, или въ трудныя времена безденежья у того или другого крестьянина. Однимъ словомъ владѣя оборотнымъ капиталомъ, ижемцы имѣли возможность поставить себя въ исключительное положеніе предъ прочими Печорцами, могли богатѣть и расширять свою торговую дѣятельность.

Краугольный камень богатства ижемцевъ составляли и составляютъ стада оленей. Но какимъ образомъ могли у нихъ появиться стада и почему стада эти могутъ бродить по тундрамъ Большеземельской, Канинской и Тиманской, когда тундры эти составляютъ неотъемлемую законную собственность самоѣдъ съ незапамятныхъ временъ? Самоѣды платили дань еще

древнему Новгороду, затѣмъ великимъ князьямъ и царямъ русскимъ; грамотою 1545 года царемъ Иоанномъ Грознымъ были утверждены права самоѣдъ на владѣніе тундрою; цари Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи подтвердили права эти данною ими грамотою на имя Мезенскаго воеводы Воейкова въ 1688 году; наконецъ Императоръ Александръ I оградилъ точнымъ закономъ права самоѣдъ на единственное владѣніе тундрою.

Между тѣмъ въ настоящее время среди Мезенскихъ оленеводовъ самоѣды составляютъ меньшинство, большинство же владѣльцевъ стада зыряне, отчасти русскіе и преимущественно ижемцы. Для того, чтобы точно отвѣтить на вопросъ, откуда явились у ижемцевъ стада оленей и какимъ образомъ они могутъ содержать ихъ на чужой землѣ — самоѣдской тундрѣ —, нужно быть подробно знакомымъ съ исторіею чуть ли не столѣтняго постепеннаго, шагъ за шагомъ, завладѣванія ижемцевъ самоѣдскими стадами оленей и тундрою; я же сообщу читателямъ лишь то, что могъ слышать отъ Печорскихъ жителей по поводу этой наступательной дѣятельности ижемцевъ. Главную роль, по ихъ словамъ, въ дѣлѣ пріобрѣтенія оленьихъ стада отъ самоѣдъ играла водка, ввозъ которой въ тундру былъ запрещенъ и которою, не смотря на это запрещеніе, систематически спаивали самоѣдъ. Дикій и очень пристрастный къ спиртнымъ напиткамъ самоѣдинъ быстро пошелъ на эту приманку и быстро же лишился своего бо-

гатства—оленей. Продавая за водку продукты оленеводства, онъ не могъ удовлетвориться этимъ, а мало-по-малу уступать и самыя стада свои явившимся въ тундру цивилизаторамъ. Мы передавали, что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ за стаканъ водки, на половину разбавленной водой и настоянной до невозможности перцемъ, самоѣды иногда съ охотою уступали до пяти оленей. Такъ дорого они цѣнили эту водку! Таковъ корень обнищанія самоѣдъ; крупныя падежи оленей довершили разореніе многихъ изъ нихъ, и все это привело къ современному положенію дѣла: зырянинъ и русскій дѣйствительные хозяева тундры, а самоѣдинъ лишь номинальный, теперь юридическій владѣлецъ ея. Въ настоящее время самое сознаніе о законномъ владѣльцѣ тундрою утратилось какъ среди самоѣдъ, такъ и зырянъ. Самоѣды лишь изрѣдка жалуются на то, что имъ тѣсно въ тундрахъ, что съ развитіемъ оленеводства среди зырянъ, они принуждены съ большимъ трудомъ отыскивать годныя моховыя мѣста для пастбы своихъ оленей; въ свою очередь зыряне не только не сознаютъ того, что они захватили чужую собственность, но напротивъ полагаютъ себя законными ея владѣльцами и даже считаютъ, что самоѣды неправильно пасутъ свои стада въ тундрахъ Мезенскаго уѣзда и что имъ слѣдовало бы перейти со своими оленями за Уралъ. Мы лично пришлось видѣть въ одномъ изъ волостныхъ правленій въ подлинникъ оригинальный приговоръ крестьянъ,

которымъ они рѣшили ходатайствовать предъ начальствомъ объ огражденіи ихъ отъ захватовъ самоѣдами тундры, имъ, зырянамъ, принадлежащей. До того время изгладило самое сознаніе среди народа объ истинныхъ владѣльцахъ тундры!

Но какъ бы то ни было ижемцы пользуются тундрами, пасутъ и размножаютъ на нихъ стада свои и получая съ нихъ доходы, живутъ прицѣвючи. Внѣшній видъ села говоритъ о зажиточности его обитателей: большіе двухъ-этажные, перѣдко съ мезониномъ, дома, отчасти обшитые тесомъ, съ крашеными крышами и аршинными стеклами въ оконныхъ рамахъ служатъ доказательными свидѣтелями этой зажиточности; внутренній видъ и обстановка помѣщеній еще болѣе свидѣлствуютъ, что Ижемскій крестьянинъ имѣетъ хорошія средства къ жизни. Мнѣ приходилось видѣть такія убранства внутри ихъ домовъ, что нужно было удивляться тому, что такъ могутъ обставить свое жилище жители такого далекаго и дикаго края, какъ край Печорскій. Просторныя комнаты облеены обоями, потолоки оштукатурены, полы крашены и покрыты хорошими коврами; меблировку парадной комнаты составляютъ плетенныя орѣховаго дерева стулья, диванъ, предъ нимъ круглый столъ, нѣсколько ломберныхъ столовъ, разставленныхъ по стѣнамъ и даже зеркала въ простѣнкахъ.... Таково жилище богатаго Ижемскаго крестьянина.

*Село Устьцильма, административный центр —
Занятія жителей.— Коневодство.— Внешній видъ
села.— Дальнѣйшее слѣдованіе до устьевъ Печоры.
— Состояніе погоды во время поѣздки по Печорѣ.
— Конецъ путешествія по Печорѣ.*

XII

Село Устьцильма, въ которое мы прибыли 29 іюня, лежитъ на правомъ весьма низменномъ берегу Печоры, противъ устья ея притока—Цильмы. Растянувшись на три версты въ длину, при ширинѣ въ 250 сажень, село Устьцильма вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 1.100 строеній; народонаселеніе ея простирается до 4.000 человекъ. Такимъ образомъ село это, какъ по своему пространству, такъ и по числу зданій и жителей, значительно превышаетъ каждый изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Такая скученность населенія свидѣтельствуетъ о томъ, что село Устьцильма есть естественный географической центръ всего Печорскаго края; и дѣйствительно отъ Устьцильмы идутъ дороги во всѣ стороны къ окраинамъ Припечорья; всѣ тракты перекрещиваются у этого села. Уже изъ одного этого обстоятельства можно заключать, что село Устьцильма есть нормальный торговый центръ всего Печорскаго края, что всѣ главные торговые обороты должны бы были совершаться здѣсь, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ прошлой главѣ я указалъ уже, что фактически торговля сосредоточена въ настоящее время не въ Устьцильмѣ, а въ Ижмѣ, и выяснилъ причи-

ны этого явленія. Теперь же мнѣ остается лишь сказать, что взамѣнъ торговаго значенія въ краѣ село Устьцильма приобрѣло значеніе административнаго центра: въ немъ сосредоточены все существующія въ Печорскомъ краѣ присутственныя мѣста и должностныя лица. Въ Устьцильмѣ имѣются: Казначейство, Почтовое Отдѣленіе, больница, въ ней же живутъ: судебный слѣдователь, акцизный надзиратель, чиповникъ по крестьянскимъ дѣламъ, единственный на весь Печорскій край докторъ и проч. должностныя лица.

Народонаселеніе, помимо мало развитой торговли, занимается главнымъ образомъ рыбною ловлею и охотничьимъ промысломъ, извозомъ въ зимнее время, бурлачествомъ въ лѣтнее, отчасти земледѣліемъ и скотоводствомъ и въ слабой степени кустарной выдѣлкой замши, издѣлій изъ дерева, кузнечествомъ. Не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь, что съ появленіемъ на Печорѣ пароходства бурлачество годъ отъ году падаетъ и производится теперь главнымъ образомъ по притокамъ Печоры, особенно по рѣкѣ Цильмѣ, т. е. по лѣтнему Устьцилемско-Мезенскому тракту.

Къ числу занятій жителей Устьцилемской волости нужно отнести и коневодство. Устьцилемская лошадь издавна славилась своею выносливостью, быстротою бѣга и неутомимостью, почему спросъ на этихъ лошадей былъ всегда довольно значительный. Но судя по тѣмъ экземплярамъ лошадей, которыя я встрѣчалъ въ

Устьцилемской волости, я вынесъ заключеніе, что порода эта уже вымираетъ и что Устьцилемская лошадь далеко ниже тѣхъ качествъ, которыя ей приписываетъ молва. Причиною упадка коневодства и порчи Устьцилемской породы лошадей должно считать преждевременное употребленіе ея въ работу: уже двухлѣтніе жеребята запрягаются для домашнихъ работъ, а на трехлѣткахъ уже возятъ товары на Пинежскую ярмарку. Много повредила породѣ также и лихорадочно-усиленная торговля этими лошадьми: вслѣдствіе усиленнаго спроса и потому довольно высокой цѣны на Устьцилемскую лошадь, крестьяне не заботясь о будущности породы лошади продавали и продолжаютъ продавать лучшіе экземпляры вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ на племя, для улучшенія породы. Присоединивъ къ этимъ обстоятельствамъ полное отсутствіе въ кормѣ Печорской лошади овса, даже во время тяжелыхъ работъ и дальнихъ поѣздокъ, и малое количество скармливаемого сѣна, легко понять что развившееся вслѣдствіе этого хроническое худосочіе обезсилило, ослабило, измельчило эту, столь знаменитую породу сѣверной лошади, вполне подходящей къ суровымъ климатическимъ и жизненнымъ условіямъ Печорскаго края и вообще Архангельской губерніи.

Переходя къ описанію самаго села Устьцилемы, я долженъ сказать относительно внѣшняго вида селенія, что оно отличается крайнею неряшливостью и запущенностью. Улицы по-

крыты громаднымъ слоемъ грязи, щель и всевозможнаго мусора; избы построены безъ всякой распланировки; сараи и амбары, силошь и рядомъ развалившіеся, тщетно ожидающіе починки и исправленія. Внутри помѣщеній—диаметральная противоположность жилищамъ села Ижмы: типъ обыкновенной русской избы—съ ея испорченнымъ воздухомъ, тараканами закопѣлыми стѣнами и прочими атрибутами этого рода строеній—преобладаетъ и господствуетъ въ селѣ Устьцильмѣ. Про внутреннюю обстановку этихъ помѣщеній и говорить нечего...

Покинувъ село Устьцильму, мы спустились по р. Печорѣ, останавливаясь почти въ каждомъ прибрежномъ селеніи, вплоть до ея устьевъ, посѣтивъ и самое сѣверное селеніе по Печорѣ—Андегское. Не описывая въ подробностяхъ этой части нашего путешествія, такъ какъ я имѣю въ виду посѣтить еще разъ Печорскій край на болѣе продолжительное время и тогда, изучивъ своеобразныя условія жизни и положенія его въ большей подробности, подѣлиться своевременно моими познаніями о немъ съ читателями въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, я ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ окончанія нашего путешествія по Печорѣ. Чѣмъ далѣе отходили мы отъ Устьцильмы внизъ по Печорѣ, тѣмъ рѣка становилась шире и шире; берега ея раздвигались все болѣе и болѣе, причемъ количество острововъ, а равно и величина ихъ, увеличивались постепенно по мѣрѣ приближенія къ устью; бы-

строта теченія становилась медленнѣе и медленнѣе, за то волненіе въ рѣкѣ увеличивалось сильнѣе и сильнѣе. На пути нашемъ попадались часто на своихъ утлыхъ челнокахъ рыбаки промышлявшіе рыбу, пользуясь глубиною плесей Печоры. Пройдя деревню Хабарицкую и затѣмъ Абрамову, мы вступили за предѣлы полярнаго круга (1-го іюля, въ 5 часовъ вечера) при великолѣпной лѣтней погодѣ и ярко сіяющемъ солнцѣ; погода такъ мало соотвѣтствовала представленію о климатѣ за полярнымъ кругомъ, что не вѣрилось, что находишься на крайнемъ сѣверѣ... Солнце свѣтило своими ослѣпительными лучами и день и ночь: полнощное солнце не закатывалось, а лишь касалось нижнимъ своимъ краемъ горизонта и вновь поднималось, чтобы сіять цѣлыя сутки.

Ознакомившись съ селами Великовисочнымъ, Пустозерскомъ, Тельвисочнымъ, Кудей, Андегой и другими деревнями, мы достигли устья рѣки Печоры—предѣла нашего путешествія, гдѣ предполагали найти пароходъ „Норденшильдъ“ и на немъ отправиться моремъ до Архангельска. Но пароходъ этотъ запоздалъ и мы должны были вернуться обратно вверхъ по Печорѣ до Устьцильмы, гдѣ пересѣсть въ лодки двинуться по невыносимо-тяжелому лѣтнему пути между Печорой и Мезенью. Описание этого пути составитъ тему слѣдующей главы моихъ путевыхъ замѣтокъ. Въ заключеніе же настоящей главы я упомяну о томъ, что за все время нашего путешествія по рѣкѣ Печо-

рѣ погода была болѣе чѣмъ благопріятная. Жаркіе, иногдаже удушливо-жаркіе, дни смѣнялись прохладными вечерами, отличавшимися полнымъ затишьемъ въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ. За все время пребыванія нашего на Печорѣ случилось три или четыре грозы, изъ которыхъ одна довольно сильная; что же касается до температуры воздуха, то она отличалась значительною высотой для сѣвера. Для примѣра приведу температуру воздуха 2-го іюля: термометръ Реомюра показывалъ 33 градуса выше нуля на солнцѣ, въ 7 часовъ вечера. Можно было бы предполагать, что мы были далеко на югѣ отъ крайняго сѣвера, между тѣмъ мы находились близъ Пустозерска... Про климатическія условія во время нашего путешествія по Печорѣ можно сказать, что они намъ благопріятствовали, да и самое путешествіе можно было бы считать пріятнымъ, если бы не существовало во все время поѣздки по Печорѣ адскаго бича—кровожадныхъ полчищъ комаровъ, которые ни днемъ, ни ночью, ни на вольномъ воздухѣ, ни въ каютѣ не давали и одной минуты покоя и отдыха. Съ другой стороны невозможность не только заставить провизіей вслѣдствіе жаркаго времени и отсутствія приспособленій для ея сохраненія, но даже пріобрѣсти въ деревняхъ что-либо съѣдобное, кромѣ молока и плохаго ржанаго хлѣба, ставило насъ въ весьма непріятное и тяжелое положеніе. Но какъ бы то ни было путешествіе по Печорѣ было закончено благополуч-

но: 5-го іюля мы прибыли обратно въ Усть-цильму, наняли лодки и, раздѣлившись на партіи, направились къ Архангельску по рѣкѣ Цильмѣ.

XII.

Лѣтній путь отъ Устьцильмы до Архангельска. — Отъ Устьцильмы до Устьпезы. — Рѣки: Цильма, Чирка, Рочуга и Пеза; волокъ Цилемскій. — Мели, пороги, подводные камни. — Отрицательное значеніе пути этого для Печорскаго края. — Возвращеніе въ Архангельскъ. — Число верстъ, совершенное во время путешествія.

Лѣтній путь отъ Устьцильмы до Архангельска можно раздѣлить на двѣ части: первая часть—по рѣкамъ Цильмѣ, Чиркѣ, Рочугѣ, Цилемскимъ сухопутнымъ волокомъ, и затѣмъ по рѣкамъ Рочугѣ и Пезѣ до Устьпезской станціонной избы, находящейся при впадениі р. Пезы въ р. Мезень; вторая часть пути—сухопутная дорога отъ Устьпезы до Архангельска. Длина первой части пути состоитъ, по приблизительному расчету (точного измѣренія произведено не было), изъ 713 верстъ, которыя распредѣляются такъ: на рѣки Цильму и Чирку приходится 283 версты, на Цилемскій волокъ 15 и на рѣки Рочугу и Пезу 415 верстъ; длину второй части, т. е. отъ Устьпезской избы до Архангельска составляютъ $467\frac{1}{2}$ верстъ по Мезенскому тракту. Всего же отъ Архангельска до Устьцильмы считается $1.180\frac{1}{2}$ верстъ.

Главный, по трудности и длинѣ, отдѣлъ этого разстоянія—путь между с. Устьцильмой и рѣкой Мезенью; опъ на столько интересенъ, что я позволю себѣ остановить вниманіе чита-

теля на его краткомъ описаніи. Переѣхавъ съ праваго берега Печоры, отъ Устьцильмы, лодка, въ которой я помѣстился, вступила въ устье притока Печоры—Цильмы, лежащее противъ этого села. Первоначально ширина русла и сравнительное многоводье этой рѣки нисколько не намекало мнѣ на тѣ трудности и неприятности долгаго пути, который открылся этою рѣкою предо мною. Но многоводье и ширина рѣки продолжались недолго: они зависѣли отъ впаденія въ Цильму притока ея—Пижмы, вельдъ за которымъ рѣка становилась постепенно мельче и уже; наконецъ, верстѣ чрезъ 50—60, тотчасъ по впаденіи въ Цильму рѣки Тобыша, сдѣлалась на столько мелководною, что дно лодки, сидѣвшей въ водѣ очень неглубоко, сначала весьма часто ударялось о груды мелкихъ каменьевъ, устилавшихъ дно рѣки, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ пути поминутно садилось на каменистыя мели. До рѣки Тобыша по берегамъ Цильмы еще встрѣчаются селенія (деревни: Рочева, Кривожежная, Трусова, Носова-Филиппова, Носова и Артина), но далѣе вверхъ по Цильмѣ, т. е. слишкомъ на 350 верстѣ, никакихъ селеній не имѣется; для пристанища же путниковъ выстроены казенныя станціонныя избы, которыя въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ двухъ комнатъ и въ которыхъ кромѣ русской печи, двухъ скамей, стола и самой необходимой утвари (въ родѣ чугуна и сковороды), ничего нельзя найти. Такихъ избы на протяженіи

всего пути двѣнадцать.

Проплывъ до Тобыша сравнительно безъ особенно большихъ затрудненій, за этой рѣчкой пришлось испытать путешествіе по дикой и, въ сущности, бездорожной странѣ. Я говорю „бездорожной“ потому, что нельзя считать дорогою узкій мелководный потокъ, глубиною мѣстами не болѣе трехъ вершковъ и представляющій въ сущности каменный каналъ, въ которомъ протекаетъ тонкій слой воды. Лодка, въ которой я находился, была длиною до $1\frac{1}{2}$ сажень и шириною до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; въ серединѣ лодки была пристроена деревянная невысокая будочка, въ которой можно было укрыться отъ непогоды, но лишь въ лежащемъ положеніи, такъ какъ высота ея не позволяла даже сидѣть въ ней. Управлялась лодка тремя рабочими, трудившимися по 16—18 часовъ въ сутки. Трудовой день ихъ начинался часа въ 4 утра: двое рабочихъ послѣ короткаго отдыха и сна надѣвали на себя лямки съ бичевою, прикрѣпленную къ нимъ и къ мачтѣ на лодкѣ, тянули послѣднюю противъ теченія; тамъ, гдѣ можно было лодка шла при помощи шестовъ, которыми упирались въ дно рѣки тѣ же двое рабочихъ. За Цилемскимъ волскомъ, по теченію р. р. Рочуги и Пѣзы, лодка шла на веслахъ; кромѣ двухъ этихъ рабочихъ одинъ изъ троихъ находился на рулѣ. Между собою они чередовались такимъ образомъ: рулевой смѣнялъ тянущаго лямку (или работающаго шестомъ или веслами) чрезъ каждыя 15 верстъ;

разстояніе это приблизительно размѣрено ими и отмѣчено, — если не имѣется около какихънибудь природныхъ примѣтъ, вродѣ мыса или устья рѣчки, — особыми зарубками на деревьяхъ растущаго въ обиліи по берегамъ лѣса. Такая работа продолжалась въ теченіи цѣлаго дня, за исключеніемъ отдыха для обѣда въ продолженіи часа, послѣ котораго вплоть до 10—11 часовъ вечера лодка подвигалась впередъ безостановочно; часовъ въ 11—12 рабочіе ужинали и ложились спать часа на четыре.

Если бы путь по рѣчкамъ этимъ представлялся свободнымъ, то работу эту нельзя было бы считать особенно трудною; но дѣло въ томъ, что при самомъ тщательномъ наблюденіи фарватера невозможно было избѣжать того, чтобы не застрять на мели, такъ какъ русло этихъ рѣкъ можно назвать сплошною мелью. Какъ только лодка врѣзалась въ слой щебня или песка, рабочіе должны были выходить въ воду и тащить лодку на рукахъ — трудъ громадный и, главное, на протяженіи всего пути безконечный, такъ какъ спустя нѣкоторое время лодка снова садилась на мель и повторялась та же работа. Иногда на протяженіи одной версты приходилось испытывать это удовольствіе до двадцати разъ. Снятіе лодки съ мели требуетъ большихъ физическихъ усилій, но они должны быть гораздо значительнѣе, когда эту же лодку приходится тащить сажень пятнадцать по голому камню; такія мѣста же встрѣчались ежедневно и даже чуть ли не ежечасно; въ до-

вершеніе всего въ рѣчкѣ Чиркѣ лодку пришлось тащить такимъ образомъ на протяженіи двухъ верстъ....

Кромѣ того долго останутся памятными мнѣ „Желѣзныя ворота“—такъ называется мѣстность по рѣкѣ Цильмѣ, недалеко отъ впаденія въ нее р. Чирки—: камень внизу, камень съ боковъ и узкая полоска воды струящаяся между каменьевъ—вотъ путь, по которому *плыла* моя лодка.... Всю дорогу отъ Устьцильмы можно, вслѣдствіе непрерывныхъ мелей и снѣманія съ нихъ лодки руками рабочихъ, называть сплошнымъ волокомъ, а ѣзду по ней—ѣздою на людяхъ.

По рѣкамъ Рочугѣ и Пѣзѣ, кромѣ мелей, существуютъ и другія препятствія, еще болѣе опасныя: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка нѣскольکو глубже, а особенно ближе къ ея устью, находятся подводныя скалы и камни, которыхъ невозможно увидать заранѣе вслѣдствіе мутности воды. Камни эти, доходящіе часто до весьма солидныхъ размѣровъ, весьма опасны въ томъ отношеніи, что плывя по теченію и ударившись лодкой о такой камень, рискуешь совершенно разбить ее. Та лодка, въ которой я ѣхалъ, была въ началѣ путешествія совершенно крѣпкою, но въ концѣ пути въ ней открылась такая течь, что необходимо было безостановочно отливать воду. Эти подводныя камни, вершина которыхъ болѣею частью не доходитъ до уровня воды, иногда же выдается немного поверхъ ея, становятся еще болѣе опасными на

порогахъ, которыхъ по рѣкѣ Пѣзѣ встрѣчается весьма много. Пороги эти отличаются быстротою теченія и узостью прохода въ нихъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ какъ разъ противъ выхода изъ порога существуетъ заворотъ теченія, и на теченіи этомъ возвышается одинъ или нѣсколько громадныхъ камней. Большихъ усилій, труда, ловкости и опытности стоитъ избѣгнуть благополучно этихъ опасностей и не наткнуться при той быстротѣ, какую получаетъ лодка на порогахъ, на эти грозныя препятствія.

Цилемскій волокъ, лежащій между Чиркой и Рочугой, тоже не даетъ отдыха путникамъ. Прибывъ къ нему по суху на лодкахъ, необходимо багажъ свой переложить на изморенныхъ лошадей, имѣющихся на этомъ волокѣ при станціонной избѣ, и отправить ихъ за пятнадцать верстъ къ рѣкѣ Рочугѣ, а самому отправляться вслѣдъ за ними пѣшкомъ частью лѣсомъ, частью по болоту, въ сопровожденіи темныхъ тучъ комаровъ, столь обильныхъ въ лѣсахъ Печорскаго края, лежащихъ на болотѣ....

Полагаю, что сказаннаго мною достаточно, чтобы дать читателямъ понятіе объ этомъ пути. Если же прибавить къ этому пустынность мѣстности, отсутствіе всякаго жилья, невозможность, вслѣдствіе этого, достать какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ, ночлеги по

необходимости на голой и сырой землѣ подь открытымъ небомъ, то нужно согласиться, что путь этотъ для многихъ является непреодолимымъ: такъ онъ труденъ, тяжелъ и мучителенъ. Между тѣмъ путь это почтовый и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный, связующій лѣтомъ Печорскій край съ его уѣзднымъ и губернскимъ городами. Благодаря естественнымъ качествамъ состоянія этого пути, Печорскій край отрѣзанъ лѣтомъ отъ всей губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи. Не даромъ же жители Печорскаго края считаютъ себя живущими за предѣлами Европы и причисляютъ себя къ Азіи: прочія губерніи Европейской Россіи и даже Архангельскую они называютъ однимъ общимъ названіемъ—Россія. По ихъ понятіямъ Архангельскъ находится въ Россіи, а они далеко отъ нея. Дѣйствительность, на самомъ дѣлѣ, говоритъ то же самое....

Водный путь отъ Устьцильмы до Мезени на столько труденъ, тяжелъ и, можно сказать, невыносимъ, что я, добравшись по немъ до Быченской деревни, не смотря на то, что до рѣки Мезени оставалось всего верстѣ сорокъ, предпочелъ покинуть его ранѣе, съ удовольствіемъ пересѣлъ въ тряскую телѣгу и на лошадахъ доѣхалъ до Устьпѣзской станціонной избы.

Не буду описывать второй части пути—отъ Устьпѣзы до Архангельска, совершенной мною на почтовыхъ по страшно тряской дорогѣ, по глинистому, засохшему отъ лѣтнихъ жаровъ,

и пещеренному жесткими колеями, грунту, съ его стоверстной Тайболой, знаменитой обилиемъ и свирѣпостью комаровъ и отсутствіемъ человеческого жилья: путь этотъ извѣстенъ многимъ изъ моихъ читателей и они повѣрятъ мнѣ, какъ велика была моя радость, когда прибывъ въ г. Холмогоры, я засталъ тамъ готовый къ отходу въ Архангельскъ пароходъ Макарова. На пароходѣ этомъ и закончилось мое далекое путешествіе въ Печорскій край и обратно до Архангельска, куда я прибылъ 24 іюля въ 5 часовъ утра.

Въ заключеніе сдѣлаю расчетъ о количествѣ верстъ, сдѣланныхъ нами во время этого двухмѣсячнаго путешествія. Отъ Архангельска до Вологды пройдено до 1.200 верстъ, отъ Вологды до Ярославля—192 версты, отъ Ярославля до Нижняго Новгорода—380 верстъ, отъ Нижняго Новгорода до Перми—1.404 версты, отъ Перми до Чердыни до 350 верстъ; далѣе по рѣкамъ: Колвѣ—115 верстъ и по Вишеркѣ—78; по Чусовскому озеру до 10 верстъ; по рѣкамъ: Березовкѣ—до 50 верстъ, Еловкѣ—3 версты, Вогулкѣ до 70 верстъ, Печорскимъ волокомъ 10 верстъ и рѣкою Волосницею до Печоры 90 верстъ; по Печорѣ до устья ея—до 1.400 в., по р. Ижмѣ отъ Устьцильмы до с. Ижмы и обратно 200 в., по Печорѣ же отъ устья ея обратно до с. Устьцильмы до 300 верстъ; наконецъ отъ Устьцильмы до Архангельска по вышеприведенному

расчету 1.180 $\frac{1}{2}$ верстъ. Такимъ образомъ всего совершено во время этой поѣздки до 7.032 $\frac{1}{2}$ версты.

Перепечатано изъ №№ 70—74, 76, 77, 79, 87 и 101 1887 года и изъ №№ 4—5 и 6 1888 года Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.